

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

АЛХИМИК ЦАРСКОЙ КРОВИ

ПЕЧАТИ НЕБЕСНОЙ КРОВИ

КНИГА 8

ИСТОРИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

18+

Виктор Алеветдинов

**Алхимик царской крови. Печати
Небесной крови. Книга 8**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Алхимик царской крови. Печати Небесной крови. Книга 8 /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Что страшнее смерти? Жизнь, из которой нельзя выйти. На амурской границе появляется Безымянный полк. Его солдаты поднимаются после смертельных ран, сохраняют строй и выполняют приказ, даже когда тело уже должно остановиться. В захваченном обозе Глеб Воронец и Ли Шэньюэ находят лекарство от лихорадки — и печать, превращающую спасённого человека в собственность чужой крови. След ведёт через карантинный острог, рудники Хэйши и подземные Девять Печей к Ло Яньши, бывшей наставнице Ли. Она обещает победу над болью, старением и смертью. Цена — воля каждого, кого её алхимия сохранит. Пока безымянный полк готовится исполнить последний приказ, красная печать уже проникает в тело Глеба. Чтобы остановить вечную армию, Ли должна разрушить формулу, способную убить тех, кого удерживает в живых. Можно ли вернуть человеку право умереть, не отняв у него право жить?

Содержание

Часть I. Полк, который не умирал	5
Глава 1. Полк после смерти	5
Глава 2. Подпись наставницы	10
Глава 3. Живой пленник	15
Глава 4. Кровь на бирке	20
Глава 5. Карантинный двор	24
Глава 6. Алхимик в цепях	29
Глава 7. Приказ до рассвета	33
Часть II. Город без похорон	37
Глава 8. Дорога красного инея	37
Глава 9. Станция без бирок	42
Глава 10. Город без могил	47
Глава 11. Чужая дата смерти	51
Глава 12. Лекарство и право отказа	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Виктор Алеветдинов

Алхимик царской крови. Печати Небесной крови. Книга 8

Часть I. Полк, который не умирал

Глава 1. Полк после смерти

Первый солдат поднялся ещё до того, как стихли последние выстрелы. Пуля пробила ему горло, кровь стекала за воротник, но он встал на одно колено, нашёл в снегу бердыш и вернулся в строй. По краям раны уже росла красная корка. Она блестела крупинками и стягивала кожу, хотя рана оставалась открытой.

Глеб Воронеж видел много людей, которые продолжали драться после тяжёлого ранения. Обычно их вела злость, а потом они падали. Этот не злился. Он занял своё место в передней шеренге и повернул голову к саням с захваченными ящиками.

На белом льду поднимались другие. Солдат с перебитой ногой волочил её за собой, пока товарищ не подхватил его и не поставил в шеренгу. Уцелевшие помогали раненым только занять место. Перевязать их никто не пытался.

— Глеб! — крикнул сотник Фёдор Звягин. — На сани! Уходим!

Глеб не двинулся. За Безымянным полком бежали к дальнему берегу двое стрельцов острога. Их можно было догнать за полминуты, но солдаты даже не посмотрели вслед. Строй собирался вокруг разбитого обоза.

— Им нужны ящики, — сказал Глеб.

— Всем нужны ящики. Там лекарство.

— Они не берут ничего другого.

Полк переступил через кошель убитого приказчика. Передняя шеренга пошла к саням, на которых Агафья Ровнина укладывала раненых.

Глеб подбежал к ней. Агафья затянула повязку на боку молодого стрельца и сунула конец ткани ему под спину.

— Елисей, не трогай, — велела она. — До ворот доедешь, тогда можешь жаловаться.

— Я и сейчас могу, — прошептал стрелец.

— Значит, крови ещё много.

Глеб ухватился за край саней и развернул их к камышам. Полозья увязли в рыхлом снегу.

— Веди вдоль берега.

— Там торосы.

— Зато лёд целее. Переложим к тебе лекарство.

Агафья посмотрела на ящики, потом на Елисея. Ладонь она не убрала с его повязки.

— На людей положишь?

— Между ними. Накроем пологом.

— Если крышка ударит его по ране, лечить будешь сам.

— Довезу без ударов.

— Это уже похоже на обещание, которое мне не нравится.

Звягин подоспел с шестью бойцами. Лица у них посерели от холода, руки дрожали после ночного боя. Ермолай прикрыл тлеющий фитиль рукавицей, но тот чадил и гас.

— Сотник, — сказал Глеб, — ящики перенесём к раненым. Пустые сани пустим посередине.

Звягин посмотрел на строящийся полк. До них оставалось меньше двухсот шагов.

— Они увидят обман.

— Когда увидят, мы будем у ворот.

— Посреди протоки лёд разбит.

— Потому туда и пойдут сани.

Сотник помолчал всего миг. Глеб ждал, не отводя взгляда от полка.

— Делай. Ермолай, Степан, таскайте ящики. Остальные готовят залп.

Раньше Звягин непременно потратил бы время на спор. Теперь он отвернулся к своим людям. Глеб отметил это и поднял первый ящик. Тот оказался тяжелее, чем выглядел. Под крышкой перекачивались стеклянные сосуды, разделённые соломой.

Ли велела привезти хотя бы один ящик целым. Она прочитает чужое правило, если Глеб не привезёт вместо груза одни щепки. Ему оставалось довести груз и не допустить, чтобы тот убил людей до вскрытия.

На крышке краснело клеймо. Три знака окружали вдавленный круг. Когда Глеб коснулся его рукавицей, внутри один раз стукнуло. Он замер, но звук не повторился.

— Что там? — спросила Агафья.

— Склянки качнулись.

— Тогда не качай.

Они уложили четыре ящика между ранеными. Агафья накрыла груз пологом и посадила сверху бойца с перевязанным плечом.

— Будешь ящиком, — сказала она.

— Я легче.

— Это единственное твоё достоинство на сегодня.

На старых санях оставили пустые короба. Глеб перерезал постромки у убитой лошади и привязал длинную верёвку к передку. Двое стрельцов потянули сани к середине протоки. Полозья заскребли по льду.

Безыманный полк изменил направление сразу. Передняя шеренга прошла мимо людей Звягина и повернула за санями. Солдаты шли прежним шагом и сохраняли строй. Раненые двигались вместе с целыми.

— Теперь верю, — сказал Звягин. — Им велено вернуть обоз.

— Не весь. Только лекарство.

— Откуда им знать, где оно?

Глеб посмотрел на клеймо, скрытое под пологом. Другого ответа у него не было.

— Это спросим у Ли.

— Ящики пойдут на мой склад.

— Сначала к ней.

— Это военная добыча.

— Тогда прикажи добыче перестать стучать.

Звягин нахмурился, но отвечать не стал. Он поднял руку. Стрельцы поставили пищали на подсошки, а Степан выжал воду из фитиля прямо на снег.

— Стрелять по моей руке! — приказал сотник. — Бейте в передних!

Глеб подхватил оглоблю лекарственных саней. Вместе с Агафьей они повели раненых вдоль камыша. Полозья вязли, зато лёд здесь не был иссечён ядрами. Под молодой наледью чернели широкие разломы.

Елисей застонал, когда сани перевалили через торос. Агафья прижала его к настилу.

— До ворот молчи, — сказала Агафья.

— Ты обещала, что там можно жаловаться.

— Можно. Если останется чем.

Из восьми пищалей выстрелили пять. Передняя шеренга качнулась, и четверо солдат упали. Остальные сомкнули строй и продолжили идти за пустыми саними.

— Быстрее! — крикнул Звягин.

Глеб толкнул оглоблю сквозь камыш, который царапал рукавицы; за спиной скрипели полозья приманки. Двое стрельцов тянули её, отходя к острогу, но полк уже сокращал расстояние.

Один из упавших солдат шевельнулся. Он перевернулся на живот, подтянул колени и поднялся. В груди у него зияли две пробоины. По краям обеих проступили красные крупинки. Корка остановила кровь, однако кафтан проваливался внутрь при каждом вдохе.

У Степана вырвалось ругательство. Он опустил пищаль и уставился на вставшего солдата.

— Я попал ему в сердце.

— Попал, — ответил Глеб. — Это больше не останавливает.

— Тогда что остановит?

Глеб глянул под ноги. Сани с приманкой вошли на участок, где ядро разбило лёд длинной дугой. Поверх трещины намёрзло пальца на два, под ней двигалась чёрная вода.

— Вес.

Он передал оглоблю Агафье и снял с пояса топор. Лекарка упёрлась каблуками в снег и повела сани одна.

— Веди к воротам.

— А ты?

— Сделаю проход.

— Тебе нужен проход в другую сторону.

— Им тоже.

Агафья хотела возразить, но Елисей застонал. Она потянула сани дальше.

Глеб побежал к приманке. Звягин увидел топор и понял замысел.

— Порох на снях! — крикнул сотник.

Под пустыми коробами лежали два кожаных мешка, снятых с разбитой телеги. В остроге пороха оставалось мало. Этот запас мог дать несколько залпов при новой атаке.

— Снимем один, — ответил Глеб.

— Снимай оба!

Передние солдаты были уже в тридцати шагах. На некоторых висели железные пластины. В обычном бою такие доспехи спасали грудь, сейчас они добавляли телу вес.

Глеб выбил чеку, сбросил один мешок и толкнул его к Звягину. Второй примёрз к настилу: под ним натекла вода и схватила кожу. Глеб опустил обух на ремень. Пряжка подавалась, но передняя шеренга была уже рядом.

— Уходи! — крикнул Звягин.

Глеб оставил мешок. Не потому, что порох ничего не стоил. Он слишком хорошо знал его цену. Но снимать груз ещё полминуты означало отдать полку раненых.

Он перерубил верёвку. Стрельцы отскочили, а сани по инерции прошли ещё несколько шагов. Глеб рубнул молодую наледь. Лезвие пробilo её сразу. Из щели выступила вода.

Второй удар удлинил разлом. Третий пришёлся ближе к старой трещине. Лёд просел, но не раскрылся.

— Слева! — крикнул Звягин.

Глеб сместился. Он знал этот приём с дружинных лет: не рубить толстый лёд, а соединить готовые слабые места. Имя человека, который научил его, исчезло из памяти много лет назад. Руки помнили лучше головы.

Топор вошёл в трещину до проуха. Глеб качнул рукоять. От саней к старой воронке побежала чёрная полоса, и Безымянный полк наступил на неё.

Первый солдат провалился одной ногой и наклонился, но следующий упёрся ему в спину. Строй продолжал давить вперёд. Лёд затрещал под общей тяжестью. Пятеро ушли в воду вместе. Край разлома попал одному в подбородок. Он исчез, не выпустив оружия.

Солдаты за ними пытались переступить провал. Те, кому это удалось, тянулись к саням. Остальные входили в воду без крика. Красные корки на ранах темнели под водой.

Глеб отступил на целый лёд. По обе стороны от промоины полк начал расходиться. Приказ вёл их к обозу, но тела не стали легче и не научились ходить по воде.

— Ещё залп! — приказал Звягин.

— Не трать, — сказал Глеб. — Мы уже выиграли время.

— Они обходят.

— Пусть обходят. До ворот далеко.

Звягин перевёл взгляд на мешок пороха, который уходил под воду вместе с санями. Через шов в воду потянулся чёрный порошок.

— За это ответишь.

— Если они возьмут лекарство, отвечать будет некому.

Сотник сжал зубы. Потом махнул людям к берегу.

— Отходим! Раненых не бросать!

Глеб поднял топор. Из воды показалась рука. Солдат, провалившийся первым, стоял на дне протоки. Вода доходила ему до лица. Он нашёл край саней и тянул их к себе. Один полоз уже скрылся подо льдом, за ним медленно уходил примёрзший мешок.

Тяжёлые пластины тащили солдата вниз, а нога застряла под краем льда. Рука скользила, снова находила дерево и тянула.

Глеб рубнул оглоблю. Дерево раскололось. Сани перевернулись, пустые короба поплыли по чёрной воде, а порох исчез под ними. Солдат поймал обломок и прижал к груди, выполнив хотя бы часть приказа.

Глеб отступил. Добывать его не было смысла. Пуля и вода уже сделали достаточно, но служба не закончилась.

До ворот оставалось меньше сотни шагов. Караульные крутили ворот у раскрытого проезда. Агафья подняла сани на настил и ругалась на бойцов, которые мешали ей тащить Елисея.

— Не за ноги! — кричала она. — Он ими ещё пользоваться собирается!

— Сам идти не может, — ответил караульный.

— Тогда бери под плечи. Голова у тебя для шапки, но руки пока годятся.

Глеб догнал лекарские сани. Елисей лежал бледный, с закрытыми глазами. Повязка на боку потемнела. Ящики под пологом не разбились.

— Все живы? — спросил Глеб.

— У ворот пересчитаю, — ответила Агафья. — Если лишний окажется, оставлю тебе.

Звягин подошёл последним. Он обернулся к протоке. Безымянный полк уже обходил промоину с двух сторон. Повреждённые солдаты отстали, но не остановились.

— Ворота закрыть сразу за санями, — приказал сотник. — Ящики в приказной склад. Караул удвоить.

— Ящики в лекарскую избу, — сказал Глеб.

— Я уже решил.

— А я уже обещал Ли привезти их целыми.

— Твоё обещание не распоряжается моим острогом.

— Полк идёт не за стенами. Он идёт за грузом. Поставишь его в общий склад — сам укажешь им ворота.

Звягин пересчитал шеренги и задержал взгляд на солдатах, поднявшихся после залпа. Пальцы на рукояти сабли перестали дрожать.

— Если они слушают приказ, их можно перехватить? — спросил он.

Звягин уже прикидывал, кому и какой приказ можно отдать полку. Недоверие сменилось расчётом.

— Один ящик получит твоя мастерица, — сказал он. — Остальные останутся под моим замком.

— Сначала она проверит все.

— Один, Глеб.

— Тогда выберем тот, который стучит, — сказал Глеб. Из-под полога донёлся глухой удар.

Люди возле саней замолчали. Глеб отбросил край ткани. На крышке верхнего ящика краснело клеймо. Внутри снова ударило дерево о дерево, хотя сани стояли неподвижно. Затем раздались три стука: тук, тук, тук.

На протоке весь Безымянный полк остановился. Солдаты одновременно повернули головы к воротам. Даже стоявший под водой поднял лицо, и над полыньёй показался край его красной щеки.

— Закрывай! — приказал Звягин.

Караульные навалились на створки. Колёса ворота заскрипели. Агафья схватила Елисея под плечи, но раненый вдруг открыл глаза и сел сам. Повязка на боку натянулась, кровь пошла сильнее.

— Лежи, дурень, — сказала Агафья. — Шов разойдётся.

Створки сошлись. Елисей не услышал Агафью и потянулся к закрытым воротам обеими руками.

— Верните меня, — попросил он. — Верните меня в мой полк.

Глава 2. Подпись наставницы

Караульный стукнул древком копья о порог три раза и приказал освободить проход. Елисей поднялся с лавки. Шов на боку разошёлся, кровь пропитала новую повязку, но стрелец шагнул к двери, оттолкнув Агафью плечом.

Под мокрой тканью проступили три красные черты. Они сошлись вокруг раны, и Елисей перестал сгибаться от боли. Жар остался: лицо горело, губы побелели. Тело шло на приказ, хотя для каждого шага ему приходилось волочить правую ногу.

Ли Шэньюэ встала между ним и дверью.

— Елисей, посмотри на меня.

Он поднял глаза, узнал её и попытался остановиться.

— Отойди. Мне велели освободить проход.

Ли указала на пустой порог, но Елисей повторил приказ и сделал ещё один шаг.

Агафья Ровнина подставила ему ногу и толкнула обратно на лавку. Елисей рухнул на бок. Красные черты под повязкой разошлись, боль вернулась, и он закричал сквозь сжатые зубы.

— Вот теперь лежи, — сказала Агафья. — Ещё раз порвёшь шов, зашью вместе с рубахой.

Караульный попятился за порог и объяснил, что приказывал вынести носилки.

— Копьём больше не стучи, — ответила Ли. — Жди с этой стороны.

Агафья сняла с Елисея промокшую повязку и бросила её в котёл. Вода кипела у дальней стены. Над ней висел тяжёлый пар, но лекарка не открывала дверь: за дверью ждали люди с поля.

Вернувшихся разместили в пустой половине избы. Агафья натянула поперёк помещения верёвку и запретила переходить её даже Звягину. Для тех, кто не выходил за стены, она оставила отдельный ковш. Нож для повязок кипел вместе с бельём.

Из карантинного двора принесли рубаху больного, который не участвовал в бою. Агафья приняла её щипцами через окно и опустила в отдельный таз. На ворота остались следы пота, но красных крупинок Ли не нашла. На снятой повязке Елисея такие крупинки застряли между нитями. Они не растворились, когда край ткани погрузили в кипяток. Вода окрасилась кровью, а осадок собрался в прежние три черты.

Людей с поля пришлось оставить в избе, хотя места едва хватало. Один раненый сидел на полу, прислонившись к стене, потому что лавки заняли лежащие. Агафья заставила его подложить под себя собственный полог. Узнав, что полог потом сожгут, боец нахмурился и спрятал целый край под сапог.

Ли не мешала ей. Печать могла заставить рану закрыться, но не смывала кровь с рук и не очищала ткань. Здесь распорядилась Агафья.

По словам Агафьи, Елисея начало трясти ночью, часа за четыре до первого выстрела. Во дворе со вчерашнего вечера лежали ещё двое больных, которые на протоку не ходили.

Ли коснулась пальцами шеи Елисея. Пульс бился часто. Красный знак на боку уже побледнел, но нижняя черта не исчезла и продолжала стягивать края раны.

Она попросила Агафью убрать ладонь с повязки на несколько мгновений. Пока знак оставался разомкнутым, Елисей дышал часто и берёт раненый бок. Когда из сеней донёсся приказ караула, нижняя черта налилась цветом. Стрелец выпрямился, и повреждённые мышцы приняли нагрузку. Печать не вернула им целость, а заставила работать поверх разрыва.

— Лихорадка пришла раньше печати, — сказала Ли.

— После поля его перестало трясти, — отозвалась Агафья. — Удобно. Только боль обычно сообщает, что человек разваливается.

В избу вошёл Фёдор Звягин. За ним Глеб внёс захваченный ящик и поставил у порога. Сотник шагнул к верёвке, но Агафья подняла кипящие щипцы.

— Стой там.

— Это мой острог.

— А это моя заражённая половина. Выбирай, чем хочешь командовать.

Звягин остался за верёвкой.

— У меня семеро с жаром, — сказал он. — В ящиках лекарство. Выдавайте.

— Сначала проверим состав. Если средство переносит печать, после него они пойдут открывать ворота.

Звягин возразил, что солдаты из полка всё же сохранили жизнь.

— Сохранили тело, — поправила Ли. — Про жизнь мы ещё ничего не знаем.

Сотник положил ладонь на крышку ящика. Изнутри донёсся один слабый удар, и Елисей повернул голову к звуку.

— Уберите руку, — сказала Ли.

— Почему?

— Он услышал.

Звягин отдернул ладонь. Елисей продолжал смотреть на ящик, но вставать не пытался. Агафья сменила повязку и провела пальцем рядом с красными чертами.

Агафья рассказала, что при приказе принести воду верхняя черта ушла к ребру, а после её требования лежать вернулась к ране. Елисей при этом ругался и понимал происходящее.

— Проверим точнее.

Агафья распрямилась и разрешила провести проверку, но только в пределах двух шагов. При новом кровотечении опыт прекращался сразу.

Ли попросила Глеба закрыть дверь и отодвинуть ящик. Потом поставила медную ложку на край лавки. Её ручка стукнула по дереву тем же ритмом, который они слышали у ворот.

Глеб придвинул к двери тяжёлую скамью, оставив узкий проход. Если Елисей снова поте-ряет власть над телом, дерево примет первый удар. Агафья приготовила свежую повязку и встала со стороны раны. Ли дождалась её кивка и только тогда начала опыт.

Елисей напрягся. Красная черта протянулась от раны к груди и остановилась.

— Ещё раз, — сказал Глеб.

— Сначала приказы, — ответила Ли. — Сотник, скажите ему лечь до вечера.

Звягин нахмурился, но выполнил просьбу.

— Елисей, лежать до вечера.

Стрелец посмотрел на него.

— Если Агафья отпустит.

Знак под повязкой дрогнул и не замкнулся.

— Теперь прикажите встать и подойти к окну, — сказала Ли.

— Встать. Подойти к окну.

— Не могу, — ответил Елисей. — Бок порван.

Средняя черта сместилась вверх. Тело осталось на лавке.

Ли подняла ложку и трижды стукнула ручкой по дереву. После последнего удара она кивнула Звягину.

— Подойти к двери, — произнёс сотник в том же ритме.

Красные линии соединились. Елисей встал раньше, чем успел вдохнуть. Агафья схватила его за рубаху, но он поволок её к двери. Лицо стрельца исказилось от страха.

— Останови меня, — попросил он. — Я сам не могу.

— Отмените приказ, — сказала Ли.

Ли повторила три удара ложкой.

— Лечь на лавку.

Елисей развернулся и лёг. Только после этого линии разошлись, а из-под повязки потекла кровь.

Агафья прижала к ране чистую ткань.

— Всё. Дальше проверяйте на сотнике.

— Я не заражён.

— Это пока единственное, что мне в тебе не мешает.

Ли взяла ложку и осторожно приподняла край повязки. Знак лежал прямо на коже. Нижняя черта обводила рану и заставляла тело сохранять её края сомкнутыми. От неё шёл изгиб к груди, где печать искала право старшего по крови. Верхняя черта тянула движение дальше, пока последний приказ не будет исполнен.

— Это один узел, — сказала Ли. — Он не лечит. Он не позволяет телу прекратить службу.

Глеб подошёл ближе, но за верёвку не переступил.

— Почему он послушал Звягина?

— Ритм открыл временный вход. Полное право остаётся у старшего, чью кровь признаёт знак.

— У какого старшего?

— Пока не знаю.

Звягин кивнул на ящик.

— Там может быть ответ. Открывайте.

Ящик перенесли в холодный склад рядом с лекарской избой. Глеб снял крышку, не повредив клеймо. Внутри лежали тёмные склянки. В одной красный осадок прилип к стеклу и не смешивался с жидкостью даже после встряхивания.

Солома под склянками отсырела, но пробки оставались залиты воском. На горлышке первой склянки краснел тот же вдавленный круг, который Глеб заметил на крышке. Ли повернула сосуд к свету. Прозрачная часть свободно прошла над осадком, а красные крупинки остались возле клейма. Значит, их удерживал не вес и не густота жидкости. Они были привязаны к знаку на стекле.

Ли велела всем отойти. Агафья принесла чистую медную ложку и поставила рядом миску с кипятком.

— Этой обратно в котёл не класть, — предупредила она.

— Я помню.

— Хорошо. Значит, после Глеба обучению поддаётся ещё один человек.

Глеб посмотрел на неё.

— Меня когда успели обучить?

— Ты научился не хватать горячее голыми руками. Я считаю щедро.

Ли сняла пробку через чистую ткань и вылила несколько капель в ложку. Жидкость была почти прозрачной. Красный осадок лёг на медь и собрался у края в знакомый изгиб.

Она медленно наклонила ложку. Прозрачная капля стекла на ткань, а осадок остался на меди. Когда Глеб закрыл крышку ящика, крупинки сдвинулись к звуку и сложились в три черты. Лекарство могло действовать само по себе. Красная добавка соединяла его с приказом через ящик.

Ли задержала дыхание. Любой мастер провёл бы соединение к середине знака. Здесь линия уходила в угол, возвращалась назад и заканчивалась коротким нажимом. Так исправляла только Ло Яньши. Наставница ставила этот нажим, когда сама брала кисть ученика; повторять её отметку запрещалось.

Рука Ли сама повторила знакомое движение над ложкой. В юности наставница останавливала её кисть именно в этой точке и переносила нажим к краю. Такой поворот не украшал письмо. Он позволял старшему по крови войти в уже готовое условие и присвоить приказ. В основном составе следа Ло не было. Её почерк начинался там, где лекарство превращалось в право власти.

На внутреннем углу ящика сохранился такой же нажим. Его закрыли воском, но дерево питало красный след.

— Ты узнала почерк, — сказал Глеб.

Ли положила ложку на ткань.

— Ло Яньши. Моя наставница.

— Она приготовила лекарство?

— Этого я не могу утверждать. Её рука исправила исключение, которое отдаёт власть старшему по крови.

Глеб не попросил рассказать, где Ли училась и почему рассталась с наставницей. Он посмотрел на красный осадок.

— Чего ты боишься?

Ли ответила сразу. По их новому договору страх нельзя было прятать под видом уверенности.

— Ло всегда понимала цену условия. Если это действительно её работа, она передала власть не по ошибке.

— Как остановить следующий приказ?

— Закрыть колокол и барабан, потом найти источник ритма.

Звягин вошёл в склад, не дожидаясь приглашения.

— Проверили? — спросил он.

— Лекарство выдавать нельзя, — сказала Ли.

— Ты нашла в нём яд?

— Я нашла осадок, связанный с печатью. Чистая часть может сбивать жар, но разделить их здесь я не смогу.

— Тогда больные останутся без помощи из-за твоего сомнения.

— Из-за моего запрета, — ответила Ли. — Ответственность моя.

— Если один умрёт до вечера, я открою ящики сам.

— Тогда выставь охрану и запрети ей стучать.

Из тёмного угла донёсся смешок. Там сидел пленный солдат Безымянного полка, захваченный ещё ночью. Его руки были связаны, сломанную ногу Глеб закрепил между двумя досками. Разрезанный сапог лежал рядом, босую ступню прикрывала повязка. Пленный смотрел на них осмысленно.

Он следил за тем, как Ли вскрывала склянку. Из лекарской избы донёсся стон Елисея, и пленный отвёл глаза. Его пальцы проверили край лубка на сломанной ноге и поправили ремень, чтобы тот не резал кожу. Между приказами перед Ли сидел раненый командир, понимавший боль и последствия боя.

Ли подошла к нему и спросила на его языке:

— Как тебя зовут?

— Жэнь Бо. Утром я ещё командовал полком. Между приказами могу отвечать за себя.

Он подтвердил, что солдатам велели вернуть лекарство. Ящики оказались за стеной, поэтому приказ всё ещё действовал. Новый должен был прозвучать до темноты.

— Кто его отдаст?

— Не могу назвать.

— Тебе запрещено?

— Имя не было частью приказа. Я слышал только срок.

Ли перевела его ответы. Звягин вышел отдавать распоряжения. Глеб остался у двери и проверил верёвки на руках пленного.

На стене прозвенел караульный колокол. Обычный одиночный звон прошёл через склад.

Жэнь Бо поднялся. Сломанная нога подломила, но он перенёс на неё вес и выпрямился. Красный знак проступил над воротом его рубахи.

— Взять карантинный двор до заката, — произнёс он.

Жэнь Бо шагнул к двери. Доски на ноге разошлись, и на полу остался кровавый след его ступни.

Глава 3. Живой пленник

Жэнь Бо успел произнести один слог. Красная черта поднялась из-под ворота и сомкнулась вокруг горла. Пленный открыл рот, но воздух перестал проходить. Его лицо быстро потемнело, а тело всё равно пыталось закончить ответ.

Глеб Воронец опрокинул табурет и оказался рядом. Он зажал Жэнь Бо рот ладонью. Пленный дёрнулся, красная черта налилась цветом, но губы больше не могли складывать запретное слово.

На столе стояла жаровня. Рядом караульный оставил железный прут: Звягин собирался проверить, отвлечёт ли боль пленника от запрета. Глеб сдвинул прут на пол. Печать уже заставляла человека идти на сломанной ноге, поэтому новая боль могла только добавить рану.

— Хватит, — сказал Глеб. — Он не ответит.

Фёдор Звягин стоял у стола в каземате. Перед ним лежал грубый план острога с отмеченным карантинным двором. До заката оставалось несколько часов.

— Он знает, откуда придёт удар, — сказал сотник. — Пусть покажет дорогу.

— Ты уже велел назвать её. Приказ и душит.

— Значит, надо приказать сильнее.

— Сильнее он только задохнётся.

Ли Шэньюэ ослабила ворот рубахи пленного. Красная черта медленно ушла вниз. Жэнь Бо вдохнул и согнулся над сломанной ногой. Он не пытался напасть. Связанные руки упирались в стол, чтобы не упасть.

— Не спрашивайте о маршруте словами, — сказала Ли. — Печать срабатывает раньше, чем он произносит ответ.

— Она читает мысли? — спросил Звягин.

— Нет. Она останавливает действие, которое нарушает приказ.

Глеб убрал ладонь. Жэнь Бо кашлянул и сплюнул кровь в подставленную тряпицу.

— Ты понимаешь меня? — спросил Глеб.

— Понимаю.

— Можешь выбрать один предмет вместо ответа?

Жэнь Бо задумался, потом кивнул. Красная черта не появилась.

Глеб сгрёб карту со стола. Письменные названия могли оказаться частью запрета. Осталась голая доска с зарубками от ножа. Он попросил караульного принести камень, лежавший у печи.

Сначала Глеб показал пленному пустые ладони. Потом коснулся своего рта и покачал головой, отделяя речь от выбора. Жэнь Бо понял. Он подвинул связанные руки к середине стола и ждал, пока каждый предмет положат отдельно. На вопросы, которые приближались к маршруту, красная черта под его воротом напрягалась раньше ответа.

Жэнь Бо потрогал камень и оставил перед собой.

Глеб взял из жаровни кусок угля. Пленный положил его возле камня. Ли сняла с весов медную пластину, которой Агафья прижимала свёртки с травами. Жэнь Бо забрал пластину и подсунул под камень.

— Рудник? — спросила Ли.

Пленный кивнул.

— Под землёй, — сказал Глеб.

Жэнь Бо прижал медь к столу и накрыл её камнем. Потом коснулся угля. Красная черта показалась у него на шее, но не замкнулась.

Глеб повернул камень. С одного края в нём блестела жёлтая жила. Такой кусок не брали для кладки стены; его привезли с рудой и бросили возле печи. Жэнь Бо провёл ногтем по жиле,

затем спрятал медную пластину под камень. Уголь он поставил сверху. Получилось место, где металл находился под землёй, а над ним работал огонь.

— Там готовят лекарство? — спросил Глеб.

Пленный не ответил. Он подвинул уголь к медной пластине и постучал по столу один раз. На этот жест печать не среагировала.

Ли провела пальцем от камня к краю стола.

— Сколько дней пути?

Жэнь Бо отвёл её руку обратно. После этого положил на стол ладонь и загнул несколько пальцев, но красная черта сжала горло. Он разогнул их и выдохнул.

— Число тоже входит в маршрут, — сказал Глеб. — Не трогай.

Звягин подался вперёд.

— Нам не нужен рудник. Нам надо защитить двор сегодня.

Жэнь Бо перевёл взгляд на него, затем разломил длинную щепку на три части и сложил из них ворота: две опоры соединил верхней перекладиной.

Пленный коснулся груди, потом указал внутрь этих ворот. Камень он оставил далеко за ними.

— Нападут люди из острога, — сказал Глеб.

Жэнь Бо кивнул.

— Заражённые? — спросила Ли.

Пленный коснулся красной черты под воротом. Затем протолкнул уголь изнутри между щепками. Верхняя упала.

Звягин выругался и направился к двери.

— На стену, — приказал он караульным. — Колокол снять. У двора поставить второй пост.

— Без стука, — напредила Ли.

— Уже понял.

Глеб оставил у Жэнь Бо одного караульного и поднялся следом за сотником. Узкая лестница вывела их на восточную стену. Мороз усилился. Доски под ногами побелели, а над карантинным двором поднимался пар от котла Агафьи.

На площадке уже снимали язык с караульного колокола. Железо примёрзло к скобе, и боец обмотал его тряпичей, чтобы не ударить случайно. Второй караульный закреплял над воротами верёвку: при нападении она должна была поднять красный лоскут вместо звона. Люди Звягина поняли приказ быстро, но теперь тревогу приходилось передавать глазами.

Снаружи Безымянный полк стоял за дальним разломом протоки. Солдаты не шли к стене. Они ждали нового приказа, сохраняя строй вокруг провалившихся саней.

Глеб посмотрел внутрь острога. Карантинный двор примыкал к восточной стене. Его ворота выходили к лекарскому складу. Если заражённые возьмут двор, они получат больных и запас средства в одном месте.

Во дворе человек с ведром остановился у колоды. Из кузницы донеслись три удара молота. Человек повернул голову к складу и только потом продолжил путь. С такого расстояния Глеб не видел красного знака. Он видел другое: обычная работа острога могла дать печати нужный ритм без барабана.

Внешний засов на воротах карантинного двора не помогал. Его поставили, чтобы больные не вышли к жилым избам. Если приказ получит караульный внутри, тот откроет створки и выпустит остальных. Перевести пост наружу тоже было нельзя: во время нападения люди у стены окажутся между двором и Безымянным полком.

— Внешний полк ждёт. Удар начнётся внутри, — сказал Глеб.

— Потому пленник и показал внутрь, — ответил Звягин.

— Запри склад.

— Запру. А потом один из моих людей откроет его изнутри.

— Тогда убери всех, кто слышал стук.

— Куда? В жилые избы?

Глеб промолчал. В остроге не было места, куда можно без риска перевести раненых. На улице они замёрзнут. В общей избе разнесут лихорадку.

Звягин указал на карантинный двор.

— Мне нужно имя. Один сообщник опаснее сотни за стеной, если он стоит у засова.

— Пытка имени не даст.

— Я не собираюсь жечь его железом. Он солдат и понимает приказ.

— Его тело понимает. Сам он пытается нам помочь.

— Поэтому я дам ему возможность помочь до конца.

Сотник пошёл к лестнице. Глеб знал этот шаг: Звягин уже принял решение и теперь будет отвечать за него. Остановить его можно было только в каземате.

Когда они вернулись, Жэнь Бо сидел у стола. Караульный стоял у двери, стараясь не касаться древком пола. Ли переложила камень на край доски, чтобы сохранить составленную пленником карту.

Пленный сам выпрямил щепки и поставил перекладину ворот. Печать не вела его руки, пока он не пытался раскрыть защищённый путь. Глеб видел перед собой не пустое тело: Жэнь Бо оценивал вопросы, искал обход и исправлял понятую неверно подсказку.

Звягин сел напротив Жэнь Бо.

— Ты служил командиром полка?

— Одиннадцать лет.

— Знаешь людей, которые получили лекарство в этом остроге?

— Знаю солдат своего полка. Ваших не знаю.

— Но знаешь того, кто откроет двор?

Жэнь Бо опустил глаза. По его шее прошла красная полоса.

Глеб положил руку на стол.

— Не спрашивай дальше.

— До темноты осталось мало времени, — ответил Звягин. — Если двор откроют, первыми погибнут больные.

Он постучал костяшкой пальца по столу три раза. Жэнь Бо напрягся ещё до приказа.

— Назови сообщника, — произнёс сотник в ритме печати.

Красная полоса сомкнулась вокруг горла. Пленный попытался втянуть воздух, но его грудь не поднялась. Губы задвигались сами. Жэнь Бо прижал указательный палец к краю стола и резко ударил по нему ладонью.

Палец сломался с тихим хрустом. Боль заставила тело вздрогнуть, и на миг горло освободилось. Жэнь Бо вдохнул, однако приказ не прекратился. Его правая рука поднялась. Сломанный палец лёг на уголь, а левая рука указала сквозь стену в сторону лекарского склада.

Глеб схватил Звягина за запястье.

— Ещё один приказ — и я сломаю тебе палец. Проверим, помогает ли.

Караульный шагнул к ним. Звягин поднял свободную руку, останавливая его.

— Отпусти, Глеб.

— Сначала отмени.

Сотник трижды стукнул по столу другой рукой.

— Молчать и сидеть.

Красная полоса разошлась. Жэнь Бо привалился к стене. Ли взяла его повреждённую кисть, но вправлять палец не стала. Она закрепила сломанный палец короткой щепкой и перевязала.

— Он указал на склад, — сказал Звягин. — Ответ получен.

— Ты велел назвать человека, — ответил Глеб. — Печать заменила имя местом. Это не один ответ.

— Другого у нас нет.

— Есть свидетель.

Глеб забрал у караульного ключ и открыл железное кольцо на запястьях Жэнь Бо. Потом снял кандал с целой ноги. Пленный растёр кожу над старой ссадиной, но со стула не встал.

Снятые кандалы упали на пол без звона: Глеб успел поймать цепь. Он положил её под стол и отодвинул от пленного. Жэнь Бо мог дотянуться до двери, но не сделал этого. Вместо побега он поправил перекосившийся лубок на ноге и вернул уголь к составленной карте.

— Что ты делаешь? — спросил Звягин.

— Меняю обращение. Он не трофей и не орудие допроса.

— Ты не можешь отменить его службу одним словом.

— Не могу. Но могу не добавлять к ней нашу.

Ли молча передала Жэнь Бо чистую ткань для стёртых запястий. Она не улыбнулась и не стала подтверждать решение Глеба. Этого и не требовалось.

Звягин подошёл к двери каземата и подозвал второго караульного.

— Хорошо. Отвечаешь за него своей головой. Если он убежит или нападёт, на плаху пойдёте оба.

— Он со сломанной ногой.

— После утра меня это не успокаивает.

— Меня тоже.

Жэнь Бо поднял перевязанную руку.

— Я не хочу бежать. Но с новым приказом тело пойдёт само.

— Тогда предупреди, когда почувствуешь его, — сказал Глеб.

— Если смогу.

Звягин оставил у двери двух караульных и ушёл к складу. Оба бойца смотрели на освобождённого пленника, не выпуская пищалей. Приклады они обмотали тряпицей, чтобы случайный удар не повторил утренний ритм.

Глеб подвинул Жэнь Бо кружку воды. Пленный сделал глоток и сразу поморщился. Во рту появилась кровь.

— Покажи язык, — сказал Глеб.

Жэнь Бо не открыл рот.

— Это тоже запрет?

— Нет. Если увидишь, захочешь вынуть.

— Уже хочу.

Пленный посмотрел на Ли. Она взяла деревянную ручку ложки и подошла ближе.

— Открой, — сказала она. — Вынимать без твоего согласия не будем.

Жэнь Бо разжал зубы. Под языком белел край плоской костяной бирки. Она лежала в зажившем кармане слизистой и удерживалась красной нитью.

Когда Жэнь Бо попытался поднять язык, нить натянулась и красная полоса на горле стала ярче. Бирка была не спрятанным знаком, который можно выплюнуть при обыске. Её связали с мышцами языка. Любая попытка произнести запрещённый ответ тянула кость вверх и запускала условие печати.

Глеб видел метки на оружии и колодничьи бирки, но такую прятать во рту никто не стал бы по своей воле. Он посветил лучиной. На кости был вырезан полковой номер. В углублении засохла тёмная капля, закрытая прозрачным воском.

Номер состоял из коротких насечек. Край бирки стёрся о нижние зубы, но воск над кровью оставался целым. Значит, каплю нанесли до того, как кость вшили Жэнь Бо. Она не принадлежала ране во рту и не могла быть его случайным следом.

— Это твоя кровь? — спросил Глеб.

— Нет. Она уже была на бирке, когда мне её вшили.

— Чья?

— Старшего. Имени нам не называли.

Ли не касалась бирки. Она посмотрела на красную нить и номер.

— Так полк внесли в реестр. Тело узнаёт приказ через номер, а кровь даёт право его отдать.

— Можно снять? — спросил Глеб.

— Сначала надо узнать, что произойдёт с человеком без записи.

Жэнь Бо закрыл рот. Бирка ударилась о зубы один раз. Потом ещё дважды, выдержав знакомый промежуток.

Со стороны лекарского склада ответил десяток таких же стуков. Караульные разом повернули головы к двери склада.

Глава 4. Кровь на бирке

Пробки застучали одна за другой. Внутри каждой склянки костяная пластинка билась о стекло, а красный осадок поднимался со дна. В лекарской избе за стеной закрипела лавка: заражённые раненые одновременно повернулись к складу.

Ли Шэньюэ прижала ладонь к верхнему ящику. Дерево передавало знакомый ритм. Стук шёл не от одного сосуда. На него отвечал весь захваченный запас.

Звягин приказал караульным не открывать дверь. Ли остановила его: источник стука находился внутри пробок, и склад всё равно придётся осмотреть.

Глеб отодвинул засов и вошёл первым. Он накрыл ящик войлоком. Звук стал тише, но не прекратился. Ли выбрала склянку, которую открывала утром, и сняла воск с пробки коротким ножом.

В пробку была вшита костяная бирка. Красная нить проходила через дерево и уходила в горлышко сосуда. Когда Ли потянула за край кости, осадок поднялся к пробке. Прозрачная часть настоя потемнела.

Глеб накрыл её запястье ладонью. Ли уже отпустила кость: изменение жидкости заметили оба.

Ли отпустила бирку. Осадок вернулся на дно, но настой не стал прежним. В нём осталась бурая полоса. Одну склянку они уже испортили, хотя кость даже не вынули.

Она срезала только верхний слой пробки. Под ним красная нить была прошита через кость и дерево одним узлом. Развязать его снаружи не получалось. Чтобы отделить бирку, пришлось бы раскрошить пробку и оставить сосуд открытым. На морозе настой быстро густел, а возле печи портился. Обезвредить все бирки означало лишиться запаса до конца дня.

Агафья Ровнина вошла со стороны лекарской избы и закрыла дверь за собой. На её переднике темнели свежие пятна крови.

Она сообщила, что Елисей рвётся к складу, а второй раненый пошёл за ним. Обоих привязали к лавке и прижали её к полу.

Ли показала ей потемневший настой.

— Бирка связана с лекарством. Если вырезать её из пробки, состав меняется.

— Тогда не режь остальные. У меня жар уже у семерых.

Во дворе ударили в дверь приказной избы. Караульный провёл через склад невысокого человека в дорожной шубе. Снег на плечах ещё не растаял. Чэнь Цзыцзин прижимал к груди кожаную папку и сердился на караульного за то, что тот заставил оставить колокольчик у ворот.

Цзыцзин посетовал, что без колокольчика у пограничной проверки осталась одна бумага. Ли ответила, что сегодня этого достаточно.

Узнав Ли, он перестал жаловаться. Цзыцзин приехал утром с обозом проверяющих, но бой задержал их у западного проезда. Услышав о захваченной накладной, учёный потребовал показать её до заката.

Документ лежал в малой приказной избе. Звягин перенёс туда один ящик, оставив возле двери двух караульных. Цзыцзин развернул бумагу и прижал углы пустыми кружками. Чернильницу со стола убрали, чтобы новая клякса не стала удобным объяснением старых исправлений.

Звягин назвал бумагу обычной накладной на средство от лихорадки. Цзыцзин посмотрел на круглый оттиск у края листа.

— Печать должна соединять две половины бумаги. Здесь она целиком стоит на одной. Оттиск настоящий, но к этому грузу он не относится.

Он перевернул лист к свету. Под печатью не было складки. Значит, накладную составили заново, а настоящий оттиск перенесли с другого документа.

Цзыцзин смочил край бумаги и поднял верхний слой. Старую печать вырезали вместе с волокнами и перенесли на новую накладную. Под ней сохранился обрывок строки, не имевшей отношения к лекарству.

Ли принесла дощечку, на которую скопировала номер бирки Жэнь Бо. Цзыцзин положил рядом пробку из испорченной склянки. На дощечке и костяной пластинке повторялся один порядок насечек.

На накладной этот порядок был записан обычными чернилами. На кости каждая насечка содержала красный след под воском. Бумага могла обмануть караульного, но бирка связывала номер с телом. Совпадение превращало обоз из случайной партии лекарства в продолжение полкового реестра.

— В накладной полковой номер выдали за номер лечебной партии, — сказал Цзыцзин. — Для склада это лекарство. Для реестра — часть полка.

Звягин признал, что такого порядка учёта в остроге не видел. Цзыцзин пояснил: местному командиру оставляли только отметку о получении.

Цзыцзин указал на красную нить. Она проходила через бирку в том же месте, где на накладной стоял знак передачи.

Ли вернулась в склад и отделила от осадка одну каплю. Она положила её между двумя нефритовыми пластинами. На нижней заранее начертила знак имени, на верхней оставила схему родства без указания конкретного рода.

Красная капля не двинулась к имени. Она растеклась по разветвлённой схеме и заполнила каждый путь, который заканчивался отметкой государственного реестра. Незарегистрированные линии остались чистыми.

Ли закрыла одну ветвь личным знаком правителя. Осадок обошёл её и выбрал соседний путь, где стояла только отметка законного родства. Затем она стёрла отметку реестра. Красная линия сразу оборвалась. Печать искала не человека и не прямого наследника: ей хватало официально признанной ветви крови.

— Условие признаёт любую ветвь царской крови, если её внесли в законный список, — сказала Ли. — Власть переходит вместе со статусом.

Цзыцзин придвинул накладную и связал выводы: бумага подтверждала статус, бирка называла полк, кровь давала право на приказ. Имя владельца крови документ не раскрывал.

Она развела пластины. Красная капля потянулась между ними и не разорвалась. Ли пришлось сдвинуть нефрит вбок, чтобы осадок собрался на одной поверхности.

— Красиво, — сказал Глеб. — И очень неудобно.

— Это точное описание большей части государственных порядков, — заметил Цзыцзин.

Из лекарской избы позвали Агафью. Она вернулась через несколько минут и сообщила, что у молодого больного жар усилился. Он не выходил на поле и красного знака не имел.

— Если в настое две части, проверим их отдельно, — сказала Агафья. — Я назначу количество. Ты отделишь осадок.

Ли кивнула.

— А действие печати проверяю я.

— Пока не полезешь лечить рану знаками.

— Пока ты не станешь читать родовой контур по пульсу.

— Договорились.

Они перенесли одну склянку в лекарскую избу. Первый больной лежал у печи под овчиной. Агафья измерила его пульс и дала несколько глотков прозрачной части настоя, которую осторожно сняли сверху. Красный осадок остался в склянке.

До лекарства Агафья сосчитала удары сердца, а Ли записала число на дощечке. После приёма они не добавляли дозу. Агафья следила за дыханием, Ли проверяла кожу возле старых царапин.

Через четверть часа жар начал спадать. Больной перестал метаться и попросил воды. На его коже не появилось ни одной красной черты.

— Лекарство работает без осадка, — сказал Глеб.

— На человеке, у которого нет печати, — уточнила Ли.

Елисей лежал на соседней лавке. Его руки привязали к доскам широкими полосами ткани. Под повязкой на боку краснел знакомый знак.

Агафья коснулась осадка медной ложкой и поднесла её к ране. Красные крупинки поднялись к краю повязки. Елисей перестал дышать часто и повернул голову к Звягину.

Сотник не говорил. Он трижды коснулся пальцем спинки лавки, и рука Елисея потянулась к оружию на его поясе. Агафья немедленно отодвинула ложку. Пальцы стрельца разжались.

— Осадок усиливает подчинение, — сказала Ли.

— И закрывает рану, — ответила Агафья. — Края перестали кровить, едва крупинки подошли ближе.

Ли перевела взгляд на Елисея.

— Если убрать осадок полностью, жар спадёт. Но мы не знаем, что станет с сосудами, которые печать уже удерживает.

— Назови худший исход, — сказал Глеб.

— Рана откроется. Повреждённые сосуды могут лопнуть сразу.

— Он может умереть?

— Да.

Глеб повернулся к Елисею.

— Решать ему.

Стрелец выслушал объяснение и попросил развязать правую руку. Агафья отказалась, но ослабила ткань, чтобы он мог пошевелить пальцами.

— До заката меня всё равно потащит к воротам, — сказал Елисей. — Проверьте сейчас.

Агафья посмотрела на Ли.

— Я слежу за кровью. Ты останавливаешь очистку при первом изменении знака.

— Согласна.

Они натянули чистую ткань над деревянным кольцом. Ли медленно вылила настой. Жидкость прошла через волокна, а красные крупинки остались сверху. Ткань натянулась и закрипела по краю кольца.

Осадок быстро забил середину фильтра. Жидкость стала уходить по краям, захватывая отдельные красные крупинки. Ли остановилась, сменила угол и провела вторую часть дозы через чистое место. Для одной ложки этого хватило. Очистить ящик таким способом до заката было невозможно.

Агафья дала Елисею очищенную дозу. Сначала ничего не произошло. Потом красный знак на боку побледнел, и жар начал снижаться.

— Легче, — сказал Елисей.

На его предплечье выступила кровь. Она появилась мелкими каплями прямо через кожу. Следом потемнела повязка на боку. Елисей попытался согнуться, но привязанные руки не дали ему упасть с лавки.

Агафья перетянула руку выше локтя, однако новые капли появились на плече. Пульс ослаб. Красная корка вокруг раны рассыпалась, и старый шов перестал удерживать края. Прозрачная часть настоя сбивала жар, но вместе с осадком из тела уходило условие, которое скрепляло повреждённые сосуды.

— Осадок обратно, — приказала Агафья.

Ли сняла крупинки с ткани медной ложкой и коснулась ими края повязки. Красные линии вернулись. Кровь на руке перестала проступать, однако Елисей снова повернул голову к Звягину.

— Хватит, — сказала Ли. — Полной очистки не будет.

— Тогда чем лечить остальных? — спросил сотник.

— Обычных больных — прозрачной частью. Заражённым она опасна без замены, которая удержит повреждённое тело.

— Замены у нас нет.

— Поэтому опасный настой останется для тех, кто без него умрёт. Остальным мы его не дадим.

Звягин посмотрел на Елисея. Тот был в сознании и слышал каждое слово.

— До заката он может открыть двор.

— Тогда охраняй двор, — ответила Ли. — Я не превращу всех больных в полк ради удобной обороны.

Агафья накрыла осадок чистой миской.

— Здесь она права. Я лечу жар. Она следит, чтобы лекарство не выдало больному нового командира.

— А если оба способа убьют? — спросил Глеб.

— Тогда будем выбирать вместе с больным, — сказала Ли. — Не вместо него.

Глеб кивнул. Только после этого он перенёс ящик к холодной стене и встал возле него, не подпуская караульных.

Цзыцзин позвал их в приказную избу. Пока шёл опыт, он снял с накладной приклеенную полосу бумаги. Под ней обнаружилась хозяйственная приписка, сделанная мелким почерком.

Полосу наклеили поверх строки до переноса пограничной печати. Если бы Цзыцзин поставил свой оттиск, он подтвердил бы скрытую запись вместе с получением груза. Его имя стало бы новым свидетельством права на тела, хотя вслух его просили проверить только лекарство.

— Вот зачем нужен полковой номер, — сказал он.

Ли прочитала строку. После прекращения службы тело получившего настой возвращалось короне. Оружие и одежда следовали вместе с ним. Смерть не прекращала обязательство, а только меняла вид учёта.

— Они заранее записали больного имуществом, — сказал Глеб.

— После смерти, — возразил Звягин.

— Их средство не даёт умереть, — ответил Цзыцзин. — Значит, передача может продолжаться без конца.

Он нашёл на лицевой стороне место для пограничной отметки. Если бы Цзыцзин поставил её, документ получил бы нового свидетеля. Учёный закрыл чернильницу и отодвинул печать своего ведомства.

— Я запишу отказ под своим именем, — сказал он. — После этого меня вряд ли пригласят проверять удобные грузы.

— Зато неудобные будут находить тебя сами, — сказал Глеб.

— Этого я и опасался.

Цзыцзин перевернул накладную. На обороте под слоем копоти проступила ещё одна отметка. Он провёл по ней чистой тканью и начал читать. Последняя строка велела к утру отправить всех умерших и не подлежащих службе в Хэйши.

Ниже стояло короткое пояснение: в Хэйши хоронить людей запрещено.

Глава 5. Карантинный двор

Первый удар барабана поднял заражённых с постелей. Елисей разорвал ткань на правом запястье и шагнул к воротам карантинного двора. Кровь снова прошла через повязку на боку, но красная корка стянула шов.

После второго удара встали ещё шестеро. Они не смотрели на больных рядом и не искали оружие. Каждый повернулся к восточным воротам.

Глеб Воронец находился снаружи двора. Через щели в створках он видел, как люди Агафьи пытались оттащить Елисея. Тот не бил их, пока они стояли сбоку. Когда один боец заслонил проход, Елисей толкнул его в грудь и пошёл дальше.

Третий удар пришёл из-за стены острога. Безымянный полк начал наступление.

На восточной стене подняли красный лоскут. Караульные увидели движение полка и передали тревогу без колокола. За створками карантинного двора заражённые уже налегли на внутреннюю перекладину. Внешний засов пока выдерживал, но открыть его ради спасения людей стало невозможно.

— Засов не открывать! — приказал Звягин.

— Внутри дети, — сказала Агафья.

— Откроем — выпустим заражённых к восточным воротам.

Во дворе опрокинулась жаровня. Угли рассыпались по соломе возле лекарской избы. Пламя охватило стену и отрезало больных от запертого выхода.

Глеб посмотрел на крышу. Над двором проходил настил, с которого зимой сбрасывали снег. До него можно было добраться со стены.

— Дай верёвку, — сказал он.

— Я иду с тобой, — ответила Ли Шэньюэ.

— Остаься у выхода. Детей придётся принимать внизу.

— Там будут Агафья и караульные.

— Они не увидят действие печати. Ты увидишь.

Ли перевела взгляд на дым над крышей.

— Если план изменится?

Глеб поднял раскрытую левую ладонь.

— Покажу её в окне. Без стука. Тогда входишь сама.

— Не исчезай до сигнала.

— Не исчезну.

— Сколько детей внутри? — спросил он у Агафьи.

— Десять. Старшему двенадцать, младшая едва ходит.

— Поднимем всех.

— Сначала найди их в дыму.

Звягин бросил им верёвку. Глеб обвязал её вокруг пояса и поднялся по лестнице на стену. Ветер прижал дым к настилу. Доски стали скользкими от инея и сажи.

Он перешёл над двором, лёг на живот и прорубил топором край крыши. Под досками оказалась кладовая. Двое детей сидели на мешках, прижавшись к трубе. Мальчик постарше закрыл девочку полущубком.

— К стене не лезьте, — сказал Глеб. — Там огонь.

— А здесь ты с топором, — ответил мальчик.

— Поэтому выбирайте меня. Я пока рублю только крышу.

Он расширил отверстие и спустил петлю. Мальчик хотел пропустить девочку первой, но она уже вцепилась в верёвку.

— Я сама.

— Сама будешь после двора, — сказал Глеб. — Сейчас ноги в петлю.

Он затянул узел под её руками и подал Ли знак. Внизу верёвку приняли. Девочка ушла в дым и через несколько мгновений оказалась за стеной двора.

Мальчик спустился следом. Глеб перелез через отверстие и прыгнул на мешки. Дым висел под потолком, поэтому он прыгнул и пошёл к двери.

В общем помещении плакали дети. Агафья собрала их возле ледника, где каменная ступень уходила ниже пола. Там ещё оставался чистый воздух.

— Здесь семеро, — сказала она. — Один пропал.

— Сначала этих.

Глеб привязал конец верёвки к потолочной балке и сделал большую петлю. Детей выводили по двое к отверстию в крыше. Внизу Ли и караульные принимали их на настиле.

Огонь добрался до стены. Смола в пазах задымилась. Глеб опустился на колени перед младшими.

— Ползите к леднику. Нос прижмите рукавом. Вставать нельзя.

— Там темно, — сказала девочка в большой шапке.

— Темнота не горит. Сегодня это её лучшее свойство.

Дети поползли вдоль пола. Агафья шла последней и направляла тех, кто сбивался к стене.

К воротам уже подошли заражённые. Елисей тянул за внутреннюю перекладину, но внешний засов не поддавался. Остальные встали рядом и начали давить на створки.

Мимо них пробежал мальчик. Ни один заражённый не повернул голову. Затем маленькая девочка выползла прямо перед Елисеем. Он шагнул к ней и поднял руку.

Глеб успел оттащить ребёнка за полушубок. Елисей сразу опустил руку и вернулся к воротам.

— Они убирают только помеху, — сказал Глеб.

— Тогда не становись помехой, — ответила Агафья.

— Мне придётся.

У боковой стены стояла снятая дверь. Глеб поднял её за поперечину и поставил между заражёнными и воротами. Елисей навалился на доски. Другие пошли за ним, пытаясь освободить путь.

Глеб отступал к пустому крытому проходу. Он менял угол двери, не давая заражённым обойти её. Они давили вперёд и сами вошли в узкое помещение.

Когда последний переступил порог, Глеб бросил дверь и выскочил через боковой проём. Агафья опустила тяжёлую жердь в скобы. Доски задрожали под ударами изнутри.

— Надолго? — спросила она.

— Пока не догадаются идти обратно.

— Они сохранили разум.

— Тогда недолго.

Выигранного времени хватило, чтобы поднять остальных детей. Дым стал гуще. Верёвка тёрлась о край отверстия и начала распускаться.

На крыше появился Жэнь Бо. Двое караульных спустили его во двор на второй верёвке. Пленный шёл на сломанной ноге и с каждым ударом барабана ускорял шаг.

Перед спуском караульные хотели вернуть Жэнь Бо в каземат, но он требовал вести во двор. До следующего удара он ещё мог просить о помощи.

— Зачем вы привели его сюда? — спросил Глеб.

— Сам потребовал, — ответил караульный. — Сказал, что знает приказ.

— Зачем тебе внутри? — спросил Глеб.

— Чтобы ты увидел, когда тело перестанет быть моим. Потом будет поздно.

Жэнь Бо остановился у входа. Красная полоса поднялась к горлу.

— Свяжите руки, — попросил он. — К столбу. Пока могу просить.

Глеб обмотал верёвку вокруг его запястий и затянул узел за спиной. Второй конец закрепил на столбе навеса.

— Ноги тоже? — спросил он.

— Не успеешь.

— Почему не попросил снять бирку раньше?

— Я не знал, останусь ли собой. Сейчас выбор проще: без бирки я могу упасть, с ней открою ворота.

Барабан загремел снова. Жэнь Бо дёрнулся к воротам. Верёвка впилась в кожу, но он не остановился. Повреждённый палец согнулся под узлом. Пленный перенёс вес на сломанную ногу и рванул всем телом.

Старые волокна лопнули. Жэнь Бо упал на колено, поднялся и пошёл к створкам. Лицо его оставалось осмысленным.

— Бирка, — выговорил он. — Выбей кость.

Глеб перехватил его за плечи.

— Открой рот.

Жэнь Бо подчинился добровольно, пока ещё мог. Под языком белел край костяной пластинки. Красная нить натянулась и потянула язык вниз.

Глеб обмотал пальцы тканью, ухватил край бирки и дёрнул. Кость не поддавалась. Жэнь Бо ударил ладонью себя под подбородок. Бирка щёлкнула о зубы.

— Ещё, — сказал он.

Глеб вставил между зубами рукоять ножа и надавил снизу на костяной край. Красная нить прорезала зажившую ткань. Бирка выскочила ему в ладонь вместе с кровью.

Жэнь Бо сделал ещё один шаг к воротам, затем остановился. Красная полоса на шее распалась. Он опёрся о столб и перенёс вес на здоровую ногу.

Боль вернулась сразу. Пленный стиснул зубы и прижал локоть к сломанному пальцу. Он больше не двигался по приказу, но повреждённое тело никуда не исчезло. Удаление бирки освободило его только от адреса.

— Слышишь приказ? — спросил Глеб.

— Слышу. Но у него больше нет адреса.

— Хорошее свойство для приказа.

Глеб передал бирку Ли через щель в воротах. Она завернула кость в ткань и сразу указала на его ладонь.

Просьба Жэнь Бо дала Глебу правило, которого не было в накладной. Пока человек сохранял речь, он мог сам потребовать действия против печати. После начала команды тело лишало его этой возможности. Значит, противодействие нужно было согласовывать заранее.

— Это кровь Жэнь Бо?

— Только его.

— Покажи руку ближе.

Глеб раскрыл ладонь: порезов не было. Караульные подняли Жэнь Бо на крышу, а Глеб вернулся во двор.

Запертые в проходе заражённые уже выбили верхнюю жердь. Дверь наклонилась. Елисей просунул руку в щель и стал расширять её.

— Остался один ребёнок, — сказала Агафья. — Мальчик в сером кафтане. Он спрятался после первого дыма.

Она показала на дальнюю часть двора. Там огонь поднялся до подоконника. Глеб хотел отправить Агафью к верёвке, но она отказалась уходить, пока не увидит последнего ребёнка.

— Жди у ледника, — сказал он. — Если я выйду с мальчиком, подхватишь его.

— А если выйдешь один?

— Тогда отправишь меня обратно.

Глеб вспомнил большой лекарственный ящик у дальней стены. Утром почти все склянки перенесли из него на склад. Крышка теперь лежала на месте, а вокруг горела солома.

Он намочил рукав в ведре и закрыл им рот. До ящика оставалось меньше двадцати шагов, но огонь уже охватил нижние доски.

Глеб пробежал вдоль стены и ударил топором по крышке. Дерево треснуло. Изнутри донёлся кашель.

— Отвернись от щели! — крикнул Глеб.

Вторым взмахом он выломал половину крышки. Под ней оказался ребёнок. Мальчик лежал между пустыми перегородками, а рядом перекатывались две забытые склянки.

— Дышать можешь? — спросил Глеб.

— Когда не кашляю.

— Полезный навык. Закрой лицо рукавом и жди моего слова.

Мальчик послушался. Глеб оторвал горящую доску от края ящика и отбросил её в сторону. Одна склянка ударилась о перегородку, но уцелела. Вторая лежала под ногой ребёнка.

Вторая лопнула под ногой ребёнка. Стекло разрезало Глебу ладонь. Красный осадок смешался с кровью и сразу ушёл в рану.

Глеб почувствовал короткий ожог. Он вытер ладонь о снег на крышке, но красные крупинки находились под кожей. Вдоль пореза появилась корка.

Корка разделилась на три черты. Первая сомкнула края раны. Вторая поднялась к запястью, а третья повторила направление последнего приказа — к восточным воротам. Знак пока не заставлял Глеба двигаться.

— Руку мне на шею, — сказал он ребёнку.

— Там кровь.

— Моя. Тебе она не мешает.

— А тебе?

— Разберёмся снаружи.

Глеб не стал обещать больше. Он не знал, что уже успел сделать осадок.

Он вытащил мальчика из ящика и прижал к груди. Обратный путь перекрыл огонь. Глеб рубнул стену кладовой топором и выбил одну доску. За ней оказался двор возле ворот.

Заражённые вышли из бокового прохода. Они снова шли к восточным створкам. Глеб с ребёнком оказался на их пути.

Он отступил под навес. Его стойки уже обгорели у земли. Глеб поставил мальчика за бочку и перерубил первую опору.

Навес просел. Вторая стойка треснула сама, но крыша ещё не упала. Елисей подошёл ближе и протянул руки к ребёнку, который заслонял дорогу.

Глеб перерубил последнюю опору. Навес рухнул между заражёнными и воротами. Доски придавили Елисею ноги, остальных остановила тяжёлая балка. Они начали разбирать завал.

Один человек просунул руку между досками и ухватил Глеба за сапог. Глеб опустил обух на пальцы. Хватка ослабла, но заражённый сразу потянулся снова. Пришлось выдернуть ногу, оставив в его руке ремень от сапога.

Глеб поднял мальчика и добрался до верёвки. Она уже дымилась у потолочной балки.

— Сначала его! — крикнул он.

Агафья обвязала ребёнка. Снаружи люди Звягина потянули верёвку. Мальчик исчез в отверстии, и через несколько мгновений сверху показалась рука Ли.

Глеб встал в петлю последним. Верёвка треснула, когда его подняли до края крыши. Он ухватился за настил порезанной рукой и подтянулся сам. Красная корка не разошлась.

За стеной двора Звягин пересчитывал спасённых. Агафья сразу повела детей к пустому пороховому погребу. Жэнь Бо сидел у столба, прижимая ткань ко рту. Без бирки он не пытался идти к воротам.

Ли подошла к Глебу.

— Ты ранен?

Он сразу показал ладонь.

— Разбитая склянка. В порез попал красный осадок.

— Ты должен был подать знак.

— Должен. Я увидел ребёнка и решил сам.

— Снова.

— Снова. Поэтому говорю сразу, а не после того, как станет поздно.

Ли посмотрела на три красные черты.

— За ворота карантина ты больше не выйдешь. Пока мы не поймём, слышит ли тебя следующий приказ.

— Понимаю.

Ли протянула руку к его запястью. Глеб перехватил её, не давая коснуться крови.

— Без ткани нельзя.

— Я знаю. Глеб, отпусти меня.

Он разжал пальцы. На коже Ли остались белые следы от его руки. Глеб посмотрел на красную корку в своей ладони и понял, что порез больше не болит.

Глава 6. Алхимик в цепях

Ли зажала ладонь Глеба между двумя охлаждёнными нефритовыми пластинами. Красные черты на коже побледнели, а в порезе показалась обычная кровь. Точки осадка перешли на нижнюю пластину.

Глеб сделал вдох. Сердце ударило, и от края раны снова поползла красная линия. На втором ударе она дошла до середины ладони. К третьему вернулись все три черты.

— Сердце восстанавливает знак, — сказала Ли.

— Оно всегда любило лишнюю работу.

— Не мешай ему, — отозвалась Агафья. — Другого сердца у меня для него нет.

Подземный пороховой погреб ещё хранил запах серы. Бочки вынесли, щели заложили мокрой паклей. В углу горели две масляные лампы, а у двери дежурили люди Звягина. После пожара сюда перевели тех, кого нельзя было оставлять в общей избе.

Ли освободила ладонь Глеба и провела краем верхней пластины по коже. Красный контур снова перешёл на нефрит, но на этот раз часть осадка осталась в крови. Красные крупинки уже проникли в сосуды под раной.

Она вставила узкий конец деревянной трубки в ухо и прижала раструб к груди Глеба. Удары звучали часто, но без сбоя. Агафья перевернула маленькие песочные часы и за минуту насчитала девяносто семь ударов. Для человека, который сидел неподвижно, пульс был слишком частым.

— Я сижу в погребе, сторожа держатся за оружие, а ты прижала ко мне трубу. Моё спокойствие на сегодня закончилось.

Ли сняла трубку. Каждое сокращение сердца проталкивало осадок по сосудам и повторяло три черты на ладони. Нефрит вытягивал крупинки только у края раны. Дальше они сразу возвращались в кровоток. Ли повторила очистку ещё дважды, меняя угол пластины. В третий раз крови на нефрите оказалось меньше, а знак вернулся так же быстро. Дальше она лишь ослабляла бы Глеба.

У Ли не было второй части раствора. Без неё можно было охлаждать рану и снимать верхний слой осадка. Внутри знак оставался.

Она коснулась иглой кожи возле пореза. Глеб следил за остриём, но руку не отдернул. Он чувствовал давление и холод металла, но укола не почувствовал. Выступила капля крови. Красная черта сдвинулась к ней, края прокола сомкнулись.

Ли записала на обломке доски время и реакцию. Потеря боли уже не казалась случайным последствием пожара. Печать закрывала новое повреждение и убирала сигнал, который заставлял бы человека остановиться.

— Значит, нам нужен весь рецепт, — сказал Глеб.

— И место, где его можно изменить.

Жэнь Бо сидел на тюфяке у противоположной стены. Агафья заново сложила ему палец и привязала к шине. После удаления бирки красная полоса на его шее исчезла, но жар вернулся. Он дрожал под двумя одеялами.

Ли прослушала сердце Жэнь Бо. Удары не возвращали красную полосу на шею, хотя в крови оставался настой. Бирка и вправду была адресом: без неё приказ не находил нужное тело. Однако вместе с приказом исчезла защита от боли. Жэнь Бо снова чувствовал каждую трещину в сломанном пальце.

Дверь открылась. Звягин вошёл в погреб и пропустил двух караульных. Между ними шёл высокий пленник в обожжённом халате. Цепь соединяла его запястья и шла к железному поясу.

Ли узнала посадку головы и привычку прятать большой палец левой руки в кулак. Когда-то он сломал его, вытаскивая её из горной реки. Лицо изменилось, но эта привычка осталась.

Ли много лет считала брата погибшим, затем узнала о его делах. Одного знакомого жеста было мало, чтобы снова признать его своим.

— Назвался Ли Чанфэном, — сказал Звягин. — Утверждает, что он твой брат.

— Где его взяли?

— В сточной канаве. Выбрался из опрокинутой лекарской телеги и сдался дозору. При нём были ключи от ящиков с бирками.

— Поэтому цепей две? — спросил Глеб.

— Поэтому цепей три. Третья под халатом.

Чанфэн посмотрел на ладонь Глеба. На Ли он взглянул только после этого.

— Ты всё ещё держишь нефрит голыми пальцами, Шэньюэ.

— Не называй меня так, пока не докажешь, кто ты.

— Сначала сними цепи. Тогда я отвечу.

— Тогда ты посидишь молча, — сказал Звягин.

Караульные посадили пленника на табурет и пропустили цепь через кольцо в стене. Ли видела на его руках пятна от киновари и следы от свежих ожогов. Такие ожоги оставались после неудачного отделения царской крови. Её брат знал эту работу.

— Ты делал бирки? — спросила Ли.

Чанфэн не стал отрицать свою работу. Он составил счётный узор, который связывал номер с кровью и полком. Ло Яньши позднее добавила к нему приказ.

Жэнь Бо приподнялся на локте. Он долго смотрел на Чанфэна, потом повернулся к Глебу.

— Значит, он придумал нам ошейники.

— Я придумал замок, — ответил Чанфэн. — Ключ добавила Ло.

— Ошейник от этого другим не стал, — сказал Жэнь Бо и лёг обратно.

Ли понимала злость Жэнь Бо. Счётный узор сам не отдавал приказов, но без него нельзя было найти нужное тело в полку. Брат снова отделял свою работу от её последствий. Он всегда умел точно назвать границу своей вины. Беда была в том, что жертвы эту границу не видели.

Ли потребовала объяснить, как Чанфэн попал к Ло. Чанфэн предложил наставнице работу, которую она не могла выполнить одна. По его словам, он проник в лабораторию ради полной формулы, но для доступа к ней пришлось помогать Ло. Когда полк потерял обоз, Чанфэн взял ключи и остался в телеге. Побег он подготовил заранее.

— Это не объясняет, зачем ты сдался.

— Сюда должна была приехать ты.

Ли не показала, что этот ответ задел её. Чанфэн мог ждать встречи или пользоваться ею. Также он мог говорить правду о формуле и скрывать, зачем она нужна ему.

Она положила перед ним девять медных монет. Каждая обозначала одну печь.

— Назови порядок печей. Без паузы.

Чанфэн перевёл взгляд на монеты. Руки его остались на коленях.

— Ледяная клетка открывает медный пар. Из пара выходят под каменную плиту, за ней растёт лес игл. Он ведёт к дымному колодцу, а на дне начинается кровяной жёлоб. После него слышен барабан приказов. За барабаном стоит палата вычеркнутых имён. Последняя печь — мёртвое сердце.

С каждым названием Ли передвигала одну монету. В записях клана были только первые три названия. Шесть остальных знал тот, кто видел внутренний ход. Чанфэн не просто запомнил названия. Он связал печи переходами. Такую схему нельзя было узнать от караульного или перевозчика.

— Их девять, — заметил Глеб.

— Проверяю, не забыл ли ты считать, — ответила Ли.

Глеб передвинул последнюю монету к остальным. Медь стукнулась о медь.

— Теперь девять.

Ли взяла монету и положила её отдельно. Ей не нравилось, что брат сумел вызвать у Глеба улыбку. Ещё меньше ей нравилось, что счёт помог ей снова сосредоточиться.

— Ты знаешь вход, — сказала она. — Это не доказывает родство.

— Спроси.

— В детстве я спрятала в сосуд с бракованной киноварью одну вещь. Что ты нашёл внутри?

— Костяную гребёнку матери и три сосновые иглы. Ты сказала, что гребёнка потерялась. Иглы не считались, потому что ты не спрашивала о них.

Ли помнила этот спор. Они потратили на три иглы полдня, и ни один не хотел уступать. Брат сидел перед ней. Подтверждать это вслух она не стала.

— Почему ты скрыл находку от наставницы?

— Ты обожгла пальцы и боялась, что Ло запретит тебе практику. Я спрятал сосуд и сказал, что разбил его. Сначала нужно спасти тело. О свободе можно спросить позже.

Последнюю фразу когда-то говорила Ло Яньши. Она оправдывала её опыты над теми, кто не давал согласия. Ответ подтвердил личность Чанфэна, но не сделал его безопаснее.

— Я знаю, кто ты, — сказала Ли. — Цепи останутся.

— Тогда мы потеряем двадцать дней.

— У нас нет двадцати дней, — сказал Глеб. — Я заразился вчера.

— На двадцатый день твой личный узел войдёт в полковой круг. После этого снятие печати остановит сердце. Ло заложила срок в число ударов.

Срок отсчитывался по пульсу, а не по суткам. Каждый удар повторял знак и отправлял его в полковой реестр. Через двадцать дней повтор становился постоянной частью круга. Замедление сердца дало бы им лишь несколько часов.

Ли отметила на доске первый день заражения и отсчитала ещё девятнадцать зарубок. По гарнизонным бумагам новый обоз с раствором должен был уйти из Хэйши через двенадцать дней. Даже если успеть к лаборатории раньше него, на работу оставалась неделя. Ошибка в один день могла стать последней.

Ли снова прижала трубку к груди Глеба. После каждого удара красная корка на ладони становилась плотнее. Сердце само закрепляло в теле чужое правило.

Чанфэн объяснил, что осадок не растворился из-за пустой крови Глеба. Она принимала чужое правило и не разрушала его. Красные крупинки оставались отдельными, и Ли могла заменить принятое ими условие. Для этого ей была нужна полная формула.

— Где?

— В лаборатории под Хэйши. Вход пропускает заражённого как носителя. Обычный человек не пройдёт первую печь.

Глеб поднял ладонь и рассмотрел красные черты. Они не изменились под его взглядом.

— Значит, там меня считают своим.

— Сосудом, — уточнил Чанфэн. — Это не то же самое, что своим.

— Тем более хочется туда войти.

Звягин подошёл к Чанфэну и поднял цепь. Звенья звякнули у железного пояса.

— Какая тебе нужна плата?

— Я проведу их через Хэйши и все девять залов. Взамен буду присутствовать, когда Ли изменит формулу.

Ли уточнила, что он хочет получить. Чанфэну было нужно знание, которое наставница скрыла от них обоих. Он пообещал не касаться крови и инструментов без разрешения. Ли знала цену такого обещания: брат соблюдал точные слова и искал то, чего в них не было.

— После каждого зала решение принимаем заново, — сказал Глеб. — Любой из нас может отказаться.

Чанфэн предупредил, что не все печи позволяют вернуться. Глеб сместил границу: они будут принимать решение перед каждой дверью. Если пути назад не будет, они останутся на месте.

Глеб просил заранее назвать границы доверия: принять помощь до первой черты, а там сделать новый выбор. Это совпадало с правом отзыва, которое они уже защищали вместе.

Риск оставался, но Ли могла задать ему границы.

— Мы примем тебя как проводника, — сказала Ли. — Ты заранее назовёшь условие каждой печи. Если утаишь его, сделка закончится.

— Буду исходить из этих слов.

— Одну цепь снять, — приказала Ли.

Звягин не стал ей мешать, но сам выбрал замок на левом запястье. Караульный вставил ключ и освободил руку. Правая осталась пристёгнутой к поясу.

Чанфэн медленно размял запястье. Затем потянулся к ладони Глеба. Ли перехватила его пальцы.

— Ты обещал не касаться без разрешения.

— Я помню. Мне нужно проверить первую стадию.

Ли посмотрела на Глеба. Он вытянул руку и раскрыл ладонь. Решение принадлежало ему.

— Коснись, — сказал Глеб. — Только знака.

Чанфэн провёл пальцем по трём красным чертам. Он начал от пореза и дошёл до запястья. Ли следила за его рукой и держала нефритовую пластину наготове.

— Первая стадия завершилась, — сказал Чанфэн. — Теперь Глеб способен пережить дорогу, которая убивает обычного человека.

Глава 7. Приказ до рассвета

За восточной стеной загремел барабан, и три красные черты на ладони Глеба налились кровью. Его пальцы сжались на древке копья. Рука повернула оружие в сторону лекарского склада.

Глеб перехватил копьё левой рукой и упёр правую в зубец стены. Красные черты дошли до запястья, но дальше не поднялись. Печать повторяла приказ, однако ещё не могла заставить его идти.

У подножия стены показался Безымянный полк. Солдаты несли крючья и три длинные лестницы. Они не расходились вдоль стены, а шли к одному месту. Над ним стояла барабанная башня острога.

Стрельцы полка шли позади лестниц и стреляли только по верхней площадке. На соседних участках стены защитников почти не трогали. Враг расчищал путь к барабану, а потом собирался повести заражённых к лекарству.

Звягин расставил людей по всей восточной стене. Глеб прошёл вдоль стрельцов и повернул к башне первую десятку.

— Куда ты их уводишь? — спросил Звягин.

— Туда, куда идёт враг.

— Лестницы могут поставить и левее.

— Тогда передвинемся. Пока они хотят башню.

— Им нужен склад.

— Без башни они не доведут до склада наших заражённых.

Второй удар барабана подтвердил его слова. Елисей в погребе ударился в ворота, а солдаты под стеной ускорили шаг. Звягин отозвал стрельцов с пустого края стены. Теперь у башни стояла половина защитников.

Звягин посмотрел вниз. За воротами порохового погреба стояли Елисей и ещё пятеро заражённых. Все смотрели на башню. Засов уже дрожал от ударов.

К башне подошли Ли и Чанфэн. Цепь на правой руке алхимика заканчивалась на поясе караульного.левой рукой Чанфэн нёс маленький кувшин с красным раствором.

— Барабан надо сбросить, — сказала Ли. — Без ударов приказ потеряет канал.

— Можно быстрее, — ответил Чанфэн. — Добавим в раствор кровь законного командира и отдадим полку новый приказ.

Звягин перевёл взгляд на кувшин. Красный раствор вздрогнул в нём при новом ударе барабана.

— Остановить их сможем?

— Сможем.

— А потом? — спросил Глеб.

— Потом у вас будет полк, который подчиняется Звягину.

— Или его крови, — добавила Ли. — Достаточно сменить статус в бумагах, и приказ перейдёт к другому человеку.

— Барабан можно разбить, — продолжила она. — Право на чужие тела так не разобьёшь.

— Право можно ограничить, — сказал Чанфэн. — Полк остановится сейчас. Твой способ даст нам лишь шанс.

— Шанса хватит, если не потратить его на нового хозяина, — сказал Глеб.

Глеб посмотрел на башню. Над её крышей уже пролетела первая стрела. Стрельцы Безымянного полка выбирали тех, кто бежал к лестнице.

— Делаем по способу Ли, — решил Глеб. — Если не сработает, другой способ останется при нас.

— Пока кувшин не разобьют, — сказал Чанфэн и передал раствор караульному.

Первая лестница ударилась о стену. Крюки зацепились за бревно, и по ступеням пошли трое солдат. Глеб сбил верхнего древком копья, но тот ухватился за край и подтянулся. Стрела пробила Глебу плечо. Боли он не почувствовал и заметил рану только по крови на рукаве.

Он перерубил один крюк. Лестница отошла от стены, двое солдат сорвались. Верхний успел перескочить на боевой ход. Защитники прижали его тремя копьями к бревну, но он продолжал тянуться к башне.

— Не толкайте его назад! — крикнул Глеб. — Держите сбоку!

Он побежал к башне. Правая рука плохо слушалась, поэтому пришлось подниматься по наружной лестнице, перехватывая ступени левой. Стрела ударила в бревно рядом с его головой. Вторая рассекла край сапога.

На верхней площадке висел большой барабан. Два кожаных ремня подвешивали его на поперечной балке. Перед барабаном стоял заражённый барабанщик. Стрела торчала в его боку, но он поднимал колотушку при каждом ответном стуке из-за стены. Под его языком щёлкала костяная бирка.

Глеб встал между ним и барабаном. Заражённый не попытался обойти его. Он ударил колотушкой в плечо, куда вошла стрела. Глеб не почувствовал новой боли, но рука онемела до локтя. Если он поверит печати, рука перестанет служить раньше, чем он это заметит.

Он пропустил следующий удар над головой и перехватил запястье барабанщика. Тот давил вперёд, не щадя раненый бок. Глеб развернул его и прижал к стойке собственным плечом. Затем вытащил нож левой рукой и перерезал первый ремень.

Барабан накренился и прижал заражённого к перилам. По крыше застучали стрелы. Одна пробила доску у ноги Глеба. Он забрался на поперечину и дотянулся до второго ремня. Нож разрезал кожу, и Глеб оттолкнулся от балки.

Барабан рухнул на площадку, проломил перила и упал во двор. Заражённый барабанщик остался на башне. Он сидел у сломанных перил и сжимал в руке колотушку, но бить было больше не во что.

Гулкий удар перекрыл шум боя. Барабан раскололся. Колотушка отлетела к колодцу, и ритм оборвался.

Солдаты на лестницах замерли на одно мгновение. Потом костяные бирки застучали у них во рту. Каждая повторяла последний ритм. Полк снова пошёл вперёд.

Внизу засов на воротах погреба вылетел из скобы. Елисей появился во дворе, за ним вышли остальные. Они повернули к складу и пошли через площадь.

— Барабан был только посыльным, — крикнул снизу Чанфэн. — Приказ уже записан в бирках.

Глеб спустился по внутренней лестнице. Кровь с плеча дошла до пояса, но рана уже затягивалась красной коркой. Ли взялась за древко, однако Глеб отвлёк её руку и указал на маленький дубовый ящик, который изнутри обили свинцом. Сначала нужно было остановить приказ.

Около ящика лежали костяные бирки из пробок лекарства. Агафья заменила пробки деревянными клиньями и залила воском. Ли не могла собрать бирки в ящик: каждый удар дёргал их из её пальцев к складу.

Глеб накрыл бирки обрывком полотна. Костяные края застучали по камням и задвигали ткань к складу. Ли пыталась подвести их к ящику краем доски, но после каждого стука пластинки расходились снова. Ей нужно было хотя бы на мгновение лишить их одного направления.

Жэнь Бо вышел на площадь, опираясь на палку. Бирки на земле застучали громче. Он остановился перед Звягиным и дождался его взгляда.

— Сними с меня статус пленника, — сказал он. — Назначь проводником в Хэйши.

— Ты ещё не вышел из острога, — ответил Звягин.

— Выйду, если вы перестанете мешать. Сейчас мой старый статус держит бирку в полковом реестре. Дайте ей другое имя.

— Без бумаги статус не изменится, — сказал Звягин.

— В бою приказ действует до бумаги. Нужно, чтобы его слышали те, кто пойдёт со мной. Звягин посмотрел на Глеба. За стеной снова застучали бирки.

— Это работает?

— Нам нужно не навсегда. Ли нужна одна минута.

Звягин вытащил меч и повернулся к стене. Вокруг него стояли защитники и жители, которые носили воду и стрелы. Агафья вывела к ним детей, спасённых из карантинного двора. Для нового статуса нужны были свидетели.

Он положил плоскую сторону меча на плечо Жэнь Бо. Пленник выпрямился и перенёс вес на сломанную ногу. Нога подломилась, но свидетели успели увидеть, что он принял назначение добровольно.

— Слушайте все! — крикнул Звягин. — Пленный солдат Жэнь Бо больше не пленный. От сего часа он проводник отряда к городу Хэйши. За его жизнь отвечает Глеб Воронеж.

— Службу принимаю, — сказал Жэнь Бо. — Доведу отряд до Хэйши.

Жэнь Бо поднял руку. На его лице выступил пот, а бирка, лежавшая перед Ли, раскололась от края до номера. Половина повернулась к складу, вторая — к восточным воротам, откуда должен был выйти проводник.

Стук остальных бирок сбился. Елисей остановился на середине площади. Солдаты на лестницах задержались в одном движении. Два статуса вошли в один полковой реестр, и ритм на мгновение пропал.

— Сейчас! — крикнул Глеб.

Ли схватила ближайшую бирку через полотно и бросила в ящик. Агафья стала подавать ей остальные. Костяные пластинки царапали доски, но свинцовые стенки не пропускали ответный стук.

Глеб удерживал крышку. Правая рука тянула его к складу, и три черты поднялись выше запястья. Он прижал крышку коленом, пока Ли бросала внутрь последнюю бирку. Потом они вместе опустили крышку, а Звягин забил замок обухом меча.

Под свинцом бирки ещё несколько раз ударились о дерево. Звук быстро ослаб. Красные черты на руке Глеба опустились к ладони. Он смог убрать руку от ящика.

Старый приказ остался в бирках. Глеб слышал, как они царапают изнутри свинцовую обшивку. Если крышку откроют, пластинки снова передадут ритм. Острог получил передышку, а не победу.

За стеной лестницы продолжали стоять, но полк больше не поднимался. На боевом ходу лежали двое солдат. Один был мёртв, второй пытался ползти к башне, но теперь его движения стали медленными. Команда оттащила его от края.

Во дворе Елисей дошёл до середины площади и остановился. Он стоял лицом к складу, пока Агафья с караульными обвязывала ему запястья. Ни один заражённый не пытался сопротивляться.

Свет над Амуром посерел. Солдаты Безымянного полка остались у стены. Они не отступили, но и не продолжили штурм.

Звягин снял с пояса оставшийся кувшин с настоем. Он поставил его на крышку свинцового ящика.

— Вот что осталось моим людям, — сказал он. — Если полк пойдёт снова, я раздам настой всем защитникам.

— После этого у тебя будет ещё один полк, — ответил Глеб.

— Живой полк.

— До первого приказа.

— Если я не раздам его, острог может не дожить до второго.

Агафья подошла к кувшину и плотно закрыла горлышко пробкой. Она не требовала выбросить настой, потому что видела раненых после штурма. Но и раздавать его до повторной атаки она не позволила.

— Вы оба правы, — сказала Агафья. — Поэтому не трогайте кувшин, пока не придётся выбирать.

Агафья разрешила рукав Глеба, обломила древко и вытолкнула стрелу через плечо. Он следил за её руками и чувствовал только давление. Кровь остановилась слишком быстро: красная корка сомкнула края раны, но рука по-прежнему плохо двигалась.

— Дай нам дойти до Хэйши, — сказал Глеб. — Мы заберём ящик с бирками и весь настой, кроме этого кувшина. Вернём лечение без подчинения или уничтожим производство.

— А если не вернётесь?

— Тогда ты решишь без нас.

Звягин не отвечал. Он перевёл взгляд на стену, потом на людей, которые перевязывали раненых. Настой был опасен, однако без него люди могли умереть при следующем штурме.

Глеб не торопил его. Звягин отвечал не только за людей на стене. В остроге укрывались семьи из ближних зимовий, а за стеной ждали солдаты, которых не останавливала обычная рана. Оставить командиру один кувшин было тяжёлой ценой, но забрать его силой значило лишить людей последнего шанса.

— Согласен, — сказал Звягин. — Ты примешь приказ дойти до источника и вернуться с лечением. Если не вернёшься до выхода нового обоза, я раздам оставшийся настой.

— Приказ принимаю. Настой не трогаешь до срока.

— До срока, — подтвердил Звягин.

Они скрепили решение печатью острога. Глеб стал начальником экспедиции и оставался под военной ответственностью Звягина. Жэнь Бо получил дорожную бирку без полкового номера. Для груза выделили закрытые сани. Свинцовый ящик приказали привязать тремя ремнями, а замок закрыли второй скобой: если крышка откроется, полк снова получит приказ.

Над стеной появился край солнца. Безымянный полк стоял у подножия, ожидая нового приказа. Люди во дворе готовили лошадей к пути.

Чанфэн подошёл к Глебу и протянул сложенную накладную. На её краю стояли десять красных отметок.

— Вчера ты сказал, что обоз выйдет через двенадцать дней, — напомнил Глеб.

— Так стояло в гарнизонном списке. В этой накладной срок изменили. Обоз уйдёт из Хэйши через десять суток.

— Сколько до города?

— Не меньше четырёх дней. Если лошади выдержат.

Глеб провёл пальцем по красным отметкам. Их было десять, а дорога должна была забрать почти половину.

Часть II. Город без похорон

Глава 8. Дорога красного инея

Красные черты на ладони Глеба стянулись вокруг ручки свинцового ящика, едва сани вышли за ворота Белого Плёса. Он ослабил пальцы, но через несколько ударов сердца снова сжал их. Ящик стоял рядом с ним на полозьях, привязанный тремя ремнями, и всё же печать требовала держать груз лично.

Ли шла рядом с саними и смотрела на его руку. После вчерашней стрелы плечо двигалось плохо. Глеб этого почти не замечал и уже дважды пытался помочь стрельцам толкнуть сани на подъёме.

— Отпусти ручку, — сказала Ли.

Глеб снял с неё пальцы. Красные линии сразу побледнели, затем налились снова и потянули кисть обратно.

— Могу отпустить, — сказал он.

— Я вижу. Теперь пересядь на передние сани.

— Зачем?

— Чтобы узнать, можешь ли ты изменить принятое решение.

Он перевёл взгляд на ящик, потом на неё.

— Передние сани идут первыми. Там нужен Жэнь Бо.

— Поменяем порядок.

— Тогда я останусь здесь.

Ответ прозвучал спокойно. Глеб даже не понял, что повторил отказ. Ли не стала тянуть его за рукав. У ворот ещё виднелся Звягин, и Глеб мог решить, что она проверяет его при свидетелях.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь я каждые два часа задаю новый вопрос. Ты отвечаешь и меняешь одно своё решение.

— Любое?

— Сначала простое.

— А потом?

— Потом узнаем, осталось ли у тебя слово «потом».

Глеб поморщился, но кивнул. Это движение он ещё выбрал сам.

Конвой вышел на замёрзшую реку. Впереди шли сани с кормом, которыми правил Жэнь Бо. Его сломанная нога была примотана к доске, поэтому с места он не вставал. Вторыми ехали Ли, Агафья и образцы лекарства. Глеб держался у задних саней со свинцовым ящиком. Чан-фэна посадили рядом и пристегнули цепью к боковой скобе.

Ветер гнал по льду снег. Полозья резали наст, лошади опускали головы всё ниже. Ли держала флаконы под меховым нагрудником. Осадок на дне уже собирался в красные иглы. Если они срastутся, в Хэйши привезут не образцы, а окрашенное стекло.

Через два часа Жэнь Бо поднял руку. Впереди темнела полынья. След уходил вправо, к береговым торосам, и передние сани уже повернули туда.

Ли подошла к Глебу.

— С какой стороны обойдём?

— Справа. Там старый санный путь.

— Измени решение.

Глеб посмотрел на лёд слева. Долго смотреть не пришлось.

— Пойдём слева. Там короче, но сначала проверим лёд пешней.

Жэнь Бо услышал и усмехнулся.

— Справа снег лежит на воде. Я ждал, когда начальник это заметит.

— Ты мог сказать раньше, — отозвался Глеб.

— Мог. Но тогда лекарь решила бы, что это подсказка.

Ли переставила флаконы ближе к телу.

— В следующий раз я проверю тебя вопросом о каше.

— Тогда мы все погибнем, — сказал Жэнь Бо. — Он выберет ту, что уже съел.

Глеб коротко рассмеялся. Он изменил путь без сопротивления, и Ли позволила себе выдохнуть. Печать ещё не закрепляла каждую мысль.

У полыни люди сошли с саней. Стрелец пробил наст пешней, нашёл крепкий край и повёл лошадей по одной. Задняя кобыла поскользнулась. Оглобля ударила её в бок, сани потянуло к воде.

Глеб стащил свинцовый ящик с настила раньше, чем Ли успела крикнуть. Он выдернул из скобы крепёжный ремень и поднял груз обеими руками. Раненая рука сразу просела, ящик перекосялся. Красная корка под повязкой треснула, кровь дошла до локтя.

— Поставь! — приказала Ли.

— Сначала вытащите сани.

— Ящик не упадёт. Его держит Агафья.

— Я обещал Звягину не выпускать его из рук в дороге.

— Ты обещал доставить груз.

— Лично.

Стрелы рядом не летали, врагов на реке не было, но Глеб держал ящик с тем же упрямством, с каким вчера шёл к барабанной башне. Ли подошла ближе и коснулась его запястья. Под кожей дёрнулись красные линии.

— Передай его мне.

— Не могу.

— Не хочешь или не можешь?

Глеб открыл рот и не ответил. В это время стрельцы вывели кобылу на крепкий лёд. Опасность миновала, а он продолжал стоять с ящиком.

— Не могу, — повторил он тише.

Это был первый честный ответ за утро.

Ли не стала отбирать груз. Она подвела сани ближе. Глеб опустил ящик на настил сам, но пальцы не разжал. Пришлось ехать дальше медленнее, чтобы раненая кобыла не надорвалась.

К полудню их догнал встречный обоз из трёх саней. Возчики везли семьи с рудников. На последних санях лежал ребёнок, укрытый мешками. Мать держала его за плечи, а отец без пользы растирал посиневшие ступни.

Агафья забралась к ним. Она сунула ладонь мальчику под рубаху и велела снять промёрзшие портянки.

— Он дышит? — спросил отец.

— Пока да. Нужна тёплая ткань.

Возчик показал на мешки.

— Всё отдали. До Плёса дотянет?

— Под мешками — нет.

Чанфэн подтянул к себе цепь и снял меховой полог, на котором сидел. Караульный не сразу понял, что он делает.

— Это казённое, — сказал стрелец.

— Запиши на меня долг.

— Ты пленный.

— Тогда вычтешь из жалованья пленного.

Чанфэн протянул полог матери. Та не решалась взять дорогой мех у человека с цепью на руке.

— Берите, — сказал он. — До острога меньше дня. Там покажете ребёнка врачам.

— Чем платить?

— Когда он согреется, не давайте ему горячего сразу. Этого хватит.

Агафья завернула мальчика и легла рядом, согревая его своим телом. Через несколько минут ребёнок закашлялся и попытался оттолкнуть её локтем.

— Силы появились, — сказала она. — Теперь доедет.

Отец поклонился Чанфэну, затем его примеру последовали остальные. Алхимик отвернулся и попросил караульного подвинуться. Остаток дня они ехали под одним мехом, сердясь друг на друга за каждый сквозняк.

Ли наблюдала за братом из соседних саней. Он не просил снять цепь и не напомнил о помощи, когда обоз ушёл к Белому Плёсу. Поступок был простым и полезным. От этого доверять ему становилось легче, а Ли не могла решить, радует её это или тревожит.

До темноты Ли провела ещё две проверки. По её просьбе Глеб поменял местами ночные дозоры и отдал Жэнь Бо кружку горячей воды, которую сперва оставил себе. Оба решения он изменил сразу. Но при слове «ящик» пальцы снова ложились на ручку, а ответ оставался прежним.

К ночи они укрылись под высоким берегом. Стрельцы поставили сани полукругом, развели огонь в железной чаше и дали лошадям овса. Глеб отказался от еды. Он сказал, что проверит крепления, но вместо этого снова взялся за свинцовый ящик.

— Время вопроса, — напомнила Ли. — Что будешь делать сначала?

— Проверю замок.

— Измени решение. Сначала поешь.

— После замка.

— Измени решение, Глеб.

Он нахмурился. Пальцы крепче сжали ручку.

— Я должен держать ящик.

— Ты сидишь рядом. Он никуда не уйдёт.

— Должен держать.

Агафья услышала их и подошла с ножом. Она разрешила повязку на его плече. Под красной коркой кожа вздулась, по краям выступил гной.

— Вот твоя сила, — сказала она. — Сверху корка, под ней жар. Ещё день — и руку придётся резать.

Глеб посмотрел на рану без страха. Ли положила его здоровую ладонь на воспалённую кожу. Даже через рубаху чувствовался жар.

— Холод скрывал его, — сказала она. — Тело не восстановилось. Печать только закрыла рану сверху.

Чанфэн достал из лекарственного ларца узкий флакон. Караульный потянул цепь, но алхимик уже успел передать лекарство Ли.

— Стабилизатор остановит воспаление, — сказал он. — Полная доза даст ему два дня.

— И что возьмёт взамен? — спросил Глеб.

— Печать закрепится быстрее. Ты лучше услышишь приказ и хуже отличишь его от собственного решения.

— Тогда убери.

— Без него к утру начнётся лихорадка, — сказала Агафья. — Потом уже не спросим согласия. Ты не сможешь ответить.

Ли повернула флакон. Красный осадок собрался у стекла со стороны Глеба. Правую кисть свело, и она едва не уронила лекарство. Пришлось передать флакон в левую руку.

— Половина дозы, — решила она. — Воспаление замедлится. Связь тоже усилится, но слабее.

— Насколько слабее? — спросил Глеб.

— Не знаю.

— Хороший ответ.

— Другого у меня нет. Решение твоё.

Он посмотрел на свинцовый ящик. Ли ждала и не касалась пробки.

— Дай половину, — сказал Глеб. — И помоги отпустить ручку. Сам я уже не могу.

Ли передала флакон Агафье, а сама накрыла кисть Глеба ладонью. Большой палец отошёл легко. Указательный пришлось разгибать медленно, чтобы не сорвать кожу. Когда она добралась до мизинца, красные линии выползли на тыльную сторону ладони и замкнулись вокруг запястья.

Глеб не мешал. Он смотрел на свою руку и тяжело дышал. Как только последний палец освободил ручку, Агафья отнесла ящик на другие сани и пристегнула к раме новой цепью.

— Теперь лекарство, — сказал Глеб.

Он сам протянул руку. Ли дождалась ещё одного кивка. Агафья отмерила половину дозы в деревянную ложку и дала Глебу выпить. Красная корка на плече размякла. Из-под неё вышла мутная кровь, жар начал спадать.

На запястье Глеба линии стали ярче. Они вытянулись вдоль вен и повернули на восток, к Хэйши.

Второй день пути начался с тяжёлого снега. Раненую кобылу перевели в хвост, корм пересыпали на первые сани. Глеб ехал без ящика. Он трижды оборачивался к нему, но каждый раз спрашивал Ли, можно ли проверить замок, и принимал её отказ.

На первом привале серая кобыла не стала жевать овёс. Агафья сняла с неё хомут и показала кровавую полосу на груди. Часть груза разобрали люди, иначе к вечеру пришлось бы бросить сани.

К вечеру образцы снова начали замерзать. Ли держала их у огня во время коротких остановок. Чанфэн советовал добавить стабилизатор и во флаконы, однако она не позволила смешивать вещества до лаборатории.

Когда стемнело, Жэнь Бо велел искать место для ночлега. По его карте до ближайшей почтовой станции оставалось полдня. Лошади дальше не тянули, поэтому конвой свернул к берегу, где среди голых лиственниц виднелась старая просека.

Глеб первым заметил иней. Красная полоса вышла из-под его сапога и легла на снег. За ней появилась вторая. Они прошли между саями, обогнули костёр и соединились у передних полозьев.

— Всем отойти от Глеба, — приказала Ли.

Люди расступились. Иней продолжал расти. Он не касался ног и не тянулся к лекарственным флаконам. Красные линии повторяли изгибы дороги, которой на снегу не было.

Жэнь Бо развернул карту на крышке короба.

— Здесь развилка, — сказал он. — Левый путь к станции, правый к старой выработке.

— Развилки нет, — ответила Агафья. — Просека одна.

— На карте две.

Глеб присел у красного инея. Линии обошли место, где должна была начинаться левая дорога, и ушли вправо.

— Печать ведёт к Хэйши, — сказала Ли. — Для неё дорога стала частью приказа о возвращении.

— Справа нет пути в город, — возразил Жэнь Бо. — Там сгоревшая станция. Дальше дорога упирается в старую выработку.

— Значит, сначала она ведёт туда, — сказал Глеб.

Ли перевела взгляд на его ладонь. Красные линии повторяли тот же поворот, что лежал на снегу.

— Можешь выбрать левую дорогу? — спросила она.

Глеб молчал дольше обычного.

— Нет. Я понимаю вопрос, но могу думать только о правой.

После дозы он уже не мог выбрать другую дорогу.

Конвой пошёл за инеем. Люди вели лошадей под уздцы, чтобы полозья не ударялись о пни. Через полчаса просека вывела их к чёрным брёвнам. Почтовая станция сгорела давно, однако снег во дворе был истоптан.

Внутри лежали погибшие. Ли насчитала пятерых по сапогам, торчавшим из золы. Агафья перевернула ближайшего и сразу отступила. Под челюстью темнел свежий разрез. Костяную бирку вынули вместе с частью языка.

Такие же разрезы были у остальных. Следы саней уходили от станции дальше на восток и терялись в лесу.

Глеб остановился у порога. Красный иней обогнул тела, пересёк сгоревший двор и лёг поверх чужого следа. На карте этой дороги не было, но печать уже выбрала её за него.

Глава 9. Станция без бирок

Красные линии на ладони Глеба повернули к восточному следу, едва он вышел из сгоревшей станции. Пальцы сами потянулись вперёд, за санями, которые прошли здесь несколько часов назад. Он сжал кулак и заставил себя посмотреть в другую сторону. Сначала конвою нужны были лошади и корм.

Во дворе лежали пять тел. Оружие осталось рядом с ними, уцелевшие сёдла висели под навесом. У погибших забрали только бирки. Обычной добычей грабители не интересовались.

Глеб присел у ближайшего погибшего. На кафтане не было крови, а под челюстью края разреза уже схватились инеем. Бирку вынули после смерти и работали не в спешке. От ворот тянулась глубокая колея: гружёные сани ушли в гору, хотя дорога на Хэйши лежала восточнее.

Ли вышла следом и поймала Глеба за рукав. Рукавицу он оставил на санях, потому что не чувствовал холода. Она заставила его осмотреть пальцы. Кожа побелела до второго сустава, хотя кисть ещё сгибалась.

— Сначала рукавица, потом след, — сказала Ли.

Ему хотелось пойти по следу сразу. Красные линии под кожей уже дёргали кисть к лесу. Глеб вернулся к саням, натянул меховую рукавицу и только после этого позвал двух стрельцов.

Жэнь Бо остался охранять свинцовый ящик. Агафья разводила огонь в разбитой печи. Чанфэна пристегнули к железному кольцу у входа, но он попросил посадить его так, чтобы видеть двор.

— Если услышишь бирки, кричи, — сказал ему Глеб.

— Если услышу бирки, сначала подумаю, зачем ты оставил пленного сторожить лекаря.

— Чтобы тебе было чем заняться.

— Тогда кричать буду после размышлений.

Глеб не ответил. Он пошёл по санному следу, пока Чанфэн не успел придумать ещё одну обязанность.

За станцией дорога уходила между скалами. Колеи были свежими, по краям лежал навоз. Через двести шагов след свернул в овраг и упёрся в заслон из еловых ветвей. За ним тихо фыркнула лошадь.

Глеб раздвинул ветви. В загоне стояли четыре кобылы и низкий рудничный мерин. Под навесом лежали мешки овса. Рядом виднелись двое саней. На первых были сложены тела, на вторых — снятые с них сапоги и тёплая одежда.

Он подошёл к мерину и провёл ладонью по боку. Животное устало, но не было загнано, а овёс под навесом оставался сухим. Этого хватило бы конвою на два дня. Тела ловцы привязали к саням бережнее, чем мешки с одеждой: за повреждённый товар сборщик снижал плату.

Один стрелец потянулся к свистку. Из-за валуна вышел бородатый мужчина в рваном полушубке и навёл на него арбалет.

— Свистнешь — они перережут лошадей, — сказал он.

Мужчина назвался Пахомом Рудневым. До закрытия рудника он служил старостой, а теперь ждал, когда ловцы уснут, чтобы забрать семь тел с первых саней. Пахом не убрал арбалет, но направил его в снег. На запястье у него темнел след от кандалов.

Людей убила зима. Ловцы нашли тайную могилу у зимовья и повезли погибших в Хэйши. Глеб спросил, зачем городу мёртвые рудокопы.

Пахом кивнул на сани.

— За целое тело коронный сборщик даёт больше, чем хозяин рудника платит живому за год. Потому семьи прячут умерших. А эти находят могилы и возвращают тела короне.

Глеб снова посмотрел на сёдла. Ловцы оставили их у станции, потому что одно тело стоило дороже всех оставленных вещей.

Бирки ловцы снимали из-под языка и хранили отдельно. Без них семья не могла доказать, кого похоронила, а коронный сборщик не принимал тело. Четверо охотников сидели в кормовой пещере, ещё двое ушли к станции. Их главаря звали Клим Усов.

Пахом показал на чёрный проём в скале. Сам он не нападал, потому что ловцы могли поджечь сани и выдать тела за пропавшие в дороге.

— Возьмёте Клима живым — он расскажет больше меня, — сказал Пахом.

Глеб велел одному стрелцу вернуться за людьми. Тот сделал три шага и замер. Со стороны станции донёлся частый костяной стук.

Пахом вскинул арбалет.

— Поздно. Начали.

У входа в овраг появились двое охотников. Первый бил связкой костяных пластинок о деревянную дощечку. Второй держал нож у горла Жэнь Бо. Проводник шёл впереди них без палки, наступая на сломанную ногу. Его лицо посерело, однако он не падал.

— Оружие на снег! — крикнул охотник с ножом.

Глеб положил саблю. Стрельцы сделали то же самое. Пахом опустил арбалет последним.

Связка ударила снова. На шее Жэнь Бо дёрнулась дорожная бирка. Он выбил нож из руки охотника, но вместо того, чтобы отойти, повернулся к саням с телами и встал перед ними.

— Защищать коронный груз, — произнёс он.

Охотник с бирками повторил ритм. Жэнь Бо поднял чужой нож и направил его на Глеба.

— У них нет права приказывать, — сказал Пахом.

— Биркам хватает звука, — ответил Глеб.

— Ненадолго. Клим должен повторять приказ после каждого сбоя.

Из кормовой пещеры вышли ещё четверо. Двое были бывшими рудокопами, Глеб понял это по кожаным наколенникам. У третьего под шапкой белела перевязка. Они держали оружие неловко и старались не приближаться. Клим стоял за ними со связкой бирок.

— Нам не нужна ваша кровь, — сказал он. — Забирайте станцию. Лошадей и груз оставьте.

— Груз твой? — спросил Глеб.

— Теперь мой. Я нашёл его в снегу.

— Ты выкопал его у домов.

Клим стукнул бирками. Жэнь Бо бросился вперёд. Сломанная нога не дала ему разогнаться, но первый выпад ножом он сделал точно. Глеб ушёл в сторону. Жэнь Бо сразу вернулся к саням, потому что короткий приказ не позволял преследовать.

Глеб услышал, как мерин ударил копытом по жерди. Лошади теснились у дальней стенки загона. Между ними и людьми оставался только плетёный заслон.

— Пахом, открывай загон, — сказал Глеб.

— Они уйдут в лес.

— Лучше лошади в лесу, чем бирки у Клима.

Клим снова поднял связку. Глеб пнул лежавшее седло под ноги Жэнь Бо. Проводник споткнулся, но удержался. Пока он обходил седло, Пахом перерезал верёвку на загоне.

Глеб схватил железную кормушку и ударил ею по жердям. Мерин шарахнулся, толкнул кобылу, и весь загон пришёл в движение. Копыта загрохотали по мёрзлой земле. Лошади проломили заслон, сбили двух охотников и вырвались в овраг.

Костяные пластинки щёлкнули ещё раз, но ритм утонул в топоте. Одна кобыла задела Клима плечом. Он упал, связка вылетела из руки и рассыпалась по снегу.

Жэнь Бо замер с ножом у лица Глеба. Его рука дрогнула, затем опустилась.

— Отойди от саней, — сказал Глеб.

Проводник сделал шаг. Приказ больше не держал его.

Охотники не стали сражаться за Клима. Раненый мужчина прикрыл собой товарища, которому лошадь сломала голень. Ещё двое бросили оружие и подняли руки. Они пришли за платой, а не за смертью.

Клим пополз к рассыпанным биркам. Глеб наступил ему на рукав и прижал к земле. Только теперь он заметил, что правая рука не сжимается. Рукавица промокла от снега, пальцы внутри стали жёсткими.

— Дёрнешься — сломаю левую, — сказал Глеб.

Клим посмотрел на его белую кисть.

— Ты сначала своей займись.

— Значит, понял, почему выбрал левую.

Стрельцы связали охотников ремнями. Агафья прибежала от станции и сразу сунула руку Глеба себе под мышку. Он попытался выдернуть её, но она прижала локоть.

— Ещё раз скажешь, что тебе тепло, привяжу к печи, — сказала она.

— Сначала развяжи Жэнь Бо.

— У него верёвка. У тебя обморожение.

— Верёвка быстрее.

— Поэтому справится Ли.

Через несколько минут в пальцах Глеба появилась боль. Она поднималась от ногтей к запястью, и теперь он понимал, сколько времени потерял бы, если бы Ли не вернула его за рукавицей. Агафья растирала кисть через ткань и не позволяла приблизить её к огню.

Ли уже разрезала путы на руках проводника. Потом собрала рассыпанные бирки в меховой мешок и завязала горловину. Кость продолжала постукивать внутри, но без общего ритма Жэнь Бо больше не реагировал.

С разрешения Жэнь Бо Ли вынула одну пластинку и поднесла к нему. Он не шевельнулся. Когда она стукнула её о вторую, его плечо дёрнулось, но тут же опустилось. Без законного статуса чужой приказ жил только в повторяемом ритме. Охотники могли направить проводника на несколько шагов, но не удержать надолго.

Глеб посадил Клима у кормовой пещеры. Охотник был старше, чем показалось вначале. Под бородой виднелась впалая щека. На шее висел медный жетон долговой тюрьмы.

— За что берёшь тела? — спросил Глеб.

— За серебро.

— Это я уже понял.

Клим кивнул на раненого товарища. Агафья вправляла ему голень, а тот кусал ремень, чтобы не кричать.

— У него двое детей. У меня сын в долговой яме. За одну доставку можно выкупить одного человека.

— Поэтому ты отнимаешь у семей умерших?

— Я их не убивал. Корона всё равно пришлёт сборщиков. Мы хотя бы платим вдовам часть.

Пахом стукнул кулаком по стене пещеры.

— Моей сестре ты заплатил лопатой в зубы.

Клим отвёл взгляд.

— Она подняла шум.

Глеб не стал искать в его словах оправдание. Но теперь у охотников были лица и причины, которые не делали их поступок легче.

Ли поставила перед Климом мешок с бирками.

— В Хэйши ими возвращают умерших к жизни?

Клим усмехнулся разбитыми губами.

— Если бы возвращали, нам платили бы ещё больше. Лаборатории нужен отчёт.

— Какой отчёт? — спросил Глеб.

— Сборщик взвешивает тело и сверяет бирку. Сначала ведомость оценивала состояние тела. Ниже указывали доступный объём крови и срок службы. Потом закрывает старую строку и открывает новую на следующую дозу.

— Значит, тела идут в производство.

— Куда ещё? Без свежего сырья их настоек долго не держится.

Чанфэн стоял у входа под охраной. Цепь сняли с кольца станции, но оставили на запястье. Он не вмешивался, пока Ли не повернулась к нему.

— Он говорит правду?

— В старых составах использовали кровь животных, — ответил Чанфэн. — В Хэйши нашли способ удерживать приказ дольше. Теперь я знаю, чем они заменили основу.

— Ты не знал? — спросил Глеб.

— Я видел расчёты без названий. Человека там заменяли весом и сроком службы. Людей в формулах не рисуют.

Глеб посмотрел на тела в саях. Бессмертие не росло в котле само. Его собирали по зимовьям и привозили в город вместе с овсом.

Жэнь Бо дождался, когда Клим договорит, и протянул Глебу свою дорожную бирку.

— Если я снова подниму на тебя оружие, разбей её.

— Сначала спрошу, чего хочешь ты.

— Во время приказа я не отвечу.

— Тогда спрошу до него. Каждый раз, когда найдём чужие бирки.

Жэнь Бо не убрал руку.

— Обещай, что не оставишь меня угрозой для остальных.

— Обещаю остановить. Но решать за тебя заранее не стану.

Проводник подумал и спрятал бирку под одежду. Этого ответа ему хватило.

Пахом отвёл Глеба к дальнему краю загона. Три лошади удалось поймать. Овса хватало на два дня, а за кормовой пещерой начиналась рудничная тропа.

— Она выведет к нижней дороге на Хэйши, — сказал Пахом. — Сбережёте почти сутки.

— Чего хочешь взамен?

— Вернуть семь тел семьям. Они живут в стороне от пути. Потеряете несколько часов.

— До выхода обоза осталось восемь суток.

— Тогда выбирай. Короткая дорога без меня не поможет. Весной там осыпало склон.

— Ты сам поведёшь?

— Если вернём людей.

— Коронный староста согласился бы сначала спасти срок.

— Я больше не коронный староста.

— Поэтому и согласен.

Пахом нахмурился, ожидая подвоха.

— Ты знаешь, что я воровал руду?

— Теперь знаю.

— Она принадлежала короне.

— А тела принадлежат семьям. Показывай путь.

Охотникам оставили одну лошадь, чтобы довести раненого до Белого Плёса. Клим взял с собой связанным. Остальные помогли снять тела с саней и завернуть их в мех. На каждом свёртке Пахом написал имя углём.

Пахом проверял лица перед дорогой. У последнего погибшего он задержался и разжал сведённые пальцы. Под ногтями осталась чёрная пыль с жирным блеском.

— Шахтная, — сказал он. — С нижнего уровня.

— Рудник закрыт, — напомнил Глеб.

— Три года как. А эта пыль свежая.

Ли достала ведомость, найденную у Клима. Напротив имени погибшего стояла печать Хэйши: «В строю. Третий год службы».

Глеб провёл пальцем по строке. Человек умер этой зимой на руднике, который закрыли три года назад. По ведомости всё это время он служил в Хэйши и не мог находиться в шахте.

Глава 10. Город без могил

Гиря ударила о стойку весов, и имя на бирке покойного расплылось. Чернила стекли с дерева красными нитями и ушли под медное основание. Через миг на бирке остался только вес: четыре пуда и девять фунтов.

Ли стояла у ворот Хэйши и видела, как печать отделила человека от его тела. Сборщик не заметил перемены. Он открыл покойному рот, сверил щербину между зубами с рисунком в книге и велел нести тело дальше.

Живых у соседнего прохода считали по головам. Стражник смотрел на оружие и пропускал людей без имён. Гробы задерживали надолго. Помощник сборщика ощупывал зубы, затем тело клали на весы. Даже мех снимали до последнего лоскута, чтобы в ведомость попала только человеческая ткань.

Перед воротами ждали семь семей с рудника. Они присоединились к конвою после того, как Пахом вернул им погибших. Семьи не решились оставить тела дома: за тайную могилу отбирали жильё. Пришлось ехать в Хэйши и надеяться получить хотя бы прах.

Рудничная тропа сберегла почти день, но последние часы люди шли пешком. Ослабевших лошадей берегли для груза. Родные погибших держались возле саней и по очереди поправляли мех на телах. Пахом пообещал, что город примет каждого под его именем, хотя бирок у них не осталось.

Сборщик указал на первые сани.

— Открывайте всех.

Пахом снял мех с лица погибшей женщины.

— Имя записано углём. Бирку украли ловцы.

— Без бирки тело не принимаем.

— Тогда верни его семье и подпиши, что корона отказалась.

Сборщик нахмурился. За его спиной росла очередь, лошади толкались у шлагбаума. Людей пропускали после короткого взгляда на дорожную бумагу, а возле каждого гроба работали двое чиновников.

— У меня приказ принимать коронные тела, — сказал сборщик.

— Вот семь коронных тел. И Клим Усов, который снял с них бирки.

Пахом подтолкнул связанного Клима к столу. Второй сборщик сразу позвал стражу. Пока они решали, кому записывать возвращённые тела и пойманного ловца, Ли подошла к весам.

Под медным основанием скрывалась красная пластина. От неё к стойке шли три насечки. Когда на платформу положили следующего погибшего, кровавой знак втянул имя под основание. Вес остался на бирке, а вместо имени проступило серое пятно. Печать принимала остаток ткани и больше не признавала в нём человека.

Ли опустилась на колено. Повреждённая правая кисть не выдержала веса, и ей пришлось опереться локтем о стойку. Краем ножа она приподняла медную пластину. Под ней лежал лист с кровавым знаком дома учёта. Знак нагрелся в тот миг, когда имя исчезло с очередной бирки, а число в книге стало темнее.

Красные линии на ладони Глеба потянулись к весам. Он остановился рядом с Ли, и гиря на стойке сама качнулась в его сторону.

— Не касайся основания, — сказала Ли.

— Я и не собирался.

— Твоя рука собиралась.

Глеб прижал ладонь к груди. После обморожения два пальца ещё плохо сгибались, но печать уже узнала устройство у ворот.

— Если меня положат на весы, имя тоже исчезнет?

— Пока ты жив, проверять не будем.

— Хорошо. У меня сегодня много других дел.

Сборщики разрешили внести тела как спорное имущество. Семьи записали свидетелями, а экспедицию — сопровождающей стороной. Так весь конвой получил временный пропуск. Пахом пошёл рядом с саними, не выпуская из рук список имён. Клим остался у ворот под стражей.

На каждое тело надели красный шнур с номером дела. Родственники повторяли сборщику имена, пока тот не вписал их рядом с числами. Затем сани покатали к дому учёта. Семьи пошли следом: без их подписи прах могли выдать любому предъявителю бумаги.

За стеной город жил обычным утром. Из пекарни тянуло горячим тестом, и мальчик в коротком тулупе продавал лепёшки прямо из корзины. Рудокопы у водяной колонки ругали цену угля. Никто не замолкал при виде чиновников.

Только площадь за храмом была пустой. На месте кладбища лежал утоптаный снег. Ни оград, ни камней там не осталось. У стены храма тянулась очередь, и каждая семья получала одинаковый мешочек золы.

Женщина впереди взвесила свой мешочек на ладони и вернула чиновнику.

— Муж весил шесть пудов. Здесь и одного фунта нет.

— Прах выдаётся по установленной мере.

— Это его прах?

Чиновник отвёл глаза и позвал следующую семью. Женщина не ушла. Она села у стола и сказала, что будет ждать человека, способного ответить.

Ли смотрела на одинаковые мешочки. Разница между взрослым рудокопом и ребёнком исчезала за воротами дома учёта. Вес тела оставался в ведомости, семье выдавали одну меру золы.

У входа их ждал Чэнь Цзыцзин. Он добрался до Хэйши прямой дорогой утром прошлого дня и с тех пор пытался открыть архив. Под глазами у него легли тёмные круги, зато приказ пограничной проверки был развёрнут и готов.

— Вы опоздали, — сказал он.

— Мы вернули семь тел, — ответил Глеб.

— Тогда вы опоздали правильно. Это хуже для срока и лучше для протокола.

— Ты всегда так утешаешь?

— Только людей, которые привозят мне ещё одну ведомость с поддельной печатью.

Цзыцзин показал лист, найденный у Клим. Имя погибшего с шахтной пылью под ногтями значилось в строю третий год. Та же запись имела в городской выписке, которую Цзыцзин успел получить до их приезда.

Дом учёта занимал каменное здание без вывески. У крыльца стояли бочки с чистой водой. Чиновник в сером халате раздавал её людям из очереди и отмечал семьи, где появился кашель. Лишь после этого он подошёл к экспедиции.

— Гуань Шоу, хранитель рудничного реестра, — представился он. — Кто отвечает за проверку?

— Я, — сказал Цзыцзин и передал приказ.

Гуань прочёл бумагу до конца, сверил печать на свет и вернул.

— Пограничный приказ признаю. Вы получите доступ к архиву поставок.

— И задержите обоз с раствором, — сказала Ли.

— Нет.

— В растворе обнаружена печать подчинения.

— Без него в рудничных бараках снова начнётся лихорадка. Пограничные крепости тоже ждут груз.

— Вы отправляете им средство, которое превращает больных в полк.

— Я отправляю средство, после которого они дышат. Ваш приказ даёт право проверить бумаги, но не остановить снабжение армии.

Гуань не повышал голоса. За его спиной помощник уже нёс к храму кувшин для кашляющей девочки. Хранитель боялся эпидемии и не собирался рисковать городом ради чужих подозрений.

— Сколько времени до выхода обоза? — спросила Ли.

— Если лаборатория закончит до срока, отправим немедленно.

— Тогда открывайте весь реестр.

— Сначала оформим вашего носителя.

Гуань указал на Глеба. Красные линии на его руке проступили через кожу и повернулись к двери дома учёта.

— Он начальник экспедиции, — сказала Ли.

— И коронный носитель Печати Царской Крови. После входа в Хэйши он не имеет права покидать город без разрешения лаборатории.

— На каком основании?

Гуань раскрыл книгу у нужной закладки. Внизу страницы стояла та же формула, которую Цзыцзин нашёл в накладной Белого Плёса: тело получившего настой возвращалось короне вместе с остатком срока службы.

— Ваши документы позволяют проверить поставку, — сказал Гуань. — Они не отменяют права собственности.

— Он жив, — ответила Ли.

— Поэтому я говорю о статусе, а не о выдаче тела.

Глеб встал рядом с ней, а не перед столом чиновника.

— Если речь обо мне, спрашивайте меня.

Гуань впервые посмотрел ему в лицо.

— Вы принимали настой добровольно?

— Нет.

— Это можно оспорить. До решения останетесь в городе.

Ли попросила несколько минут. Они отошли к бочкам с водой. Чанфэн остался под охраной у крыльца, Жэнь Бо следил за свинцовым ящиком.

— Без подписи нас не пустят в архив, — сказала Ли. — Если я признаю твой статус временно, лаборатория получит законное право удержать тебя. После смерти она заберёт тело.

— Такое право она уже записала себе.

— Моя подпись сделает запись действующей здесь и сейчас.

— А отказ оставит нас у двери.

— Да.

Глеб перевёл взгляд на очередь у храма. Женщина всё ещё сидела возле стола с мешочком золы на коленях.

— Ты должна войти в архив, — сказал он. — Подписывай.

— Решение касается твоего тела.

— Поэтому я его и принимаю. Но в доме учёта пойду рядом с тобой.

Ли кивнула. Раньше она попыталась бы придумать способ обойти бумагу и потеряла бы время. Теперь она назвала цену, получила ответ и вернулась к Гуаню.

Он положил на стол временное свидетельство. Ли вписала Глеба как носителя на срок пограничной проверки. Когда перо оторвалось от бумаги, красная печать сама проступила рядом с именем. Линии на ладони Глеба поднялись до запястья. Дверной замок щёлкнул и открылся.

Глеб повернулся к улице, проверяя новое ограничение. На третьем шаге красные линии стянули запястье, а колено перестало сгибаться. Он вернулся к столу, и нога сразу отпустила.

— Теперь он не покинет город без отметки лаборатории, — сказал Гуань.

Цзыцзин взял протокол и дописал под печатью: «Носитель жив, сохраняет волю и оспаривает право собственности».

— Уберите возражение, — потребовал Гуань. — Оно выходит за пределы вашей проверки.

— Поэтому его и нужно внести. Пределы уже стали частью дела.

— Эта строка дойдёт до пограничной канцелярии.

— Для этого существует протокол.

Гуань посмотрел на него с усталостью, затем поставил рядом свою печать. Цзыцзин сложил копию и убрал за пазуху. Должность он сохранил на эту минуту, но следующая проверка могла стать для него последней.

Архив начинался за двумя железными дверями. Чанфэна внутрь не пустили. Пахом остался с семьями у приёмной. В читальную комнату вошли Ли, Глеб и Цзыцзин. Гуань посадил у двери писца и разрешил брать только книги со стола.

Ли начала с журнала похорон. Последняя запись была сделана пять лет назад. Следующая страница осталась чистой, а новый том не заводили.

На соседней полке лежали ведомости раствора. По номеру дела Ли нашла запись о женщине, которую взвесили у ворот. После приёмки имя исчезало. Вместо него в производственной строке стояли четыре пуда и девять фунтов сырья. В тот же день объём новой партии увеличили на соответствующую меру.

Цзыцзин принёс журнал выдачи праха. Семье женщины полагался мешочек в один фунт, столько же получали родственники любого взрослого. Остальной вес переходил в книгу лаборатории. Ли положила две страницы рядом. Номер приёмки совпал с номером котла, а красная черта между ними проявилась сама, когда Глеб подошёл к столу.

— Каждая смерть добавляет раствор, — сказал Цзыцзин.

— Не смерть, — ответила Ли. — Принятое тело. Если семьи прячут умерших, лаборатории не хватает сырья.

— Поэтому платят ловцам.

Глеб провёл негнувшимся пальцем по столбцу. Красные линии на его коже ответили на каждый номер партии. У записей о похоронах они не двигались.

Ли раскрывала книги одну за другой. Пять лет город выдавал семьям золу, но ни одного человека не записал погребённым. Вес умерших переходил в раствор, а срок службы — в реестр новых носителей.

В конце последнего тома лежал лист, заполненный другим почерком. Красная строка проступила раньше, чем Ли перевернула страницу. Печать Глеба дёрнула его руку к книге.

Наверху стояло его имя: Глеб Воронец. Рядом уже указали вес — пять пудов и два фунта. Графа приёмки тела оставалась пустой, но дата создания записи была заполнена.

Цзыцзин достал дорожный журнал и положил рядом. Ли сверила числа дважды. Строку внесли за три дня до того, как Глеб получил заражённую дозу.

Гуань Шоу подошёл к столу и замер. Он явно видел запись впервые.

Ли прижала лист левой рукой, чтобы печать не утащила его к Глебу. Его ещё живое тело заранее внесли в производственный реестр. Случайностью заражение больше назвать было нельзя.

Глава 11. Чужая дата смерти

Глеб шагнул к выходу из архива, и красные линии на ладони стянули запястье. Колено перестало сгибаться. За железной дверью уже ждали двое стражников, но дело было не в них. Час назад Глеб решил, что не уйдёт из дома учёта без Ли, и теперь печать не позволяла изменить это решение.

Он вернулся к столу. Нога сразу отпустила. Ли стояла над заранее заполненной строкой и сравнивала дату с дорожным журналом.

Ли спросила, что случилось. Глеб объяснил: городской запрет он уже проверил у входа, а теперь печать остановила его из-за собственного решения.

— Без тебя выйти не могу, — сказал он. — Я этого не обещал. Только решил.

Ли закрыла журнал. Повреждённая правая рука лежала у неё на перевязи, поэтому книгу она удерживала локтем. Временный статус усилил печать: теперь она закрепляла даже решение, которое Глеб никому не давал.

Глеб посмотрел на своё имя. Вчера он мог пересмотреть порядок дозора. Сегодня одного решения хватило, чтобы запереть ногу.

Гуань Шоу велел привести писца, дежурившего три дня до заражения. Молодой мужчина вошёл с охапкой чистых листов и сразу поклонился хранителю.

Писец отрицал, что написал строку. Глеб попросил его не вспоминать формулировки, а повторить все действия того дня. Мужчина поставил на край стола пустой флакон, раскрыл реестр и подвинул к себе коробку с печатями. Сначала образец положили в гнездо весов.

— Кто положил?

Писец посмотрел на Гуаня. Тот не отвёл взгляда.

— Алхимик Ли Чанфэн.

Красные линии на ладони Глеба дёрнулись к боковому ящику стола. Он вытащил его левой рукой. Внутри лежали квитанции на принятые образцы.

Писец нашёл нужную и положил рядом с реестром. На ней стояло имя Глеба и название образца: пустая кровь. Ниже сохранилась подпись Чанфэна.

Пока квитанция лежала отдельно, её печать оставалась чёрной. Глеб коснулся края бумаги, и знак налился красным. Линии на его ладони легли в те же изгибы. Реестр узнавал не только кровь: он связывал образец с названным человеком и сразу готовил для него строку приёмки.

— Дальше, — сказал Глеб.

Писец вложил пустой флакон в круглое гнездо. Медная стрелка весов качнулась, хотя стекло почти ничего не весило. Реестр сам раскрылся на последней странице. Красная черта прошла по бумаге и остановилась там, где стояла строка Глеба.

Ли попросила писца подтвердить каждое движение. Три дня назад книга была пустой. После установки флакона на странице появилось имя, затем вес тела. Писец добавил на полях только дату приёма образца. Дату смерти он не вносил: заполненное число отмечало создание строки.

Глеб перевёл взгляд на лист. Реестр не предсказал его появление. Он принял кровь, нашёл подходящий сосуд и заранее отвёл ему место в производстве.

— Почему вы не сообщили хранителю? — спросил Цзыцзин.

Писец показал на красную печать внизу страницы.

— После её появления книга закрылась. Я не мог открыть эту страницу до сегодняшнего дня. В журнале образцов запись осталась обычной.

Гуань проверил печать ногтем. Красный знак отозвался коротким толчком, и книга захлопнулась. Даже хранитель не мог открыть её без носителя рядом.

— Приведите Чанфэна, — сказал Глеб.

Алхимика ввели через несколько минут. Цепь с его запястья пристегнули к кольцу у стены. Чанфэн увидел квитанцию и не стал спрашивать, зачем его позвали.

— Ты принёс сюда мою кровь, — сказал Глеб.

— Да.

— Откуда она у тебя?

— С повязки после твоего ранения. Ткань собирались сжечь.

— Поэтому ты решил, что кровь можно забрать?

— Поэтому решил проверить её до того, как она пропадёт.

Глеб подошёл ближе. Стражник положил ладонь на рукоять сабли. Официальный статус требовал от носителя не сопротивляться законной охране. Красные линии поднялись к локтю, и пальцы Глеба разжались сами.

— Что ты проверял?

— Совместимость с формулой Царской Крови. В тебе почти нет родового следа. Для обычного алхимика такая кровь бесполезна. Я хотел узнать, сможет ли она принять печать, не разрушив сосуд.

— Узнал?

Чанфэн кивнул на реестр.

— Он ответил вместо лаборатории.

— А через три дня я получил заражённый настой.

— Я не отправлял его в карантинный двор.

— Но создал запись.

— Запись создала система.

— Ты принёс ей моё имя.

Чанфэн замолчал. Он не отрицал этого и не пытался назвать случайностью.

Ли встала между братом и столом, но не заслонила его.

— Ты знал, что реестр может назначить тело заранее? — спросила она.

— Предполагал, что появится показатель совместимости. Я не знал, что книга внесёт вес и право приёмки.

— Почему не сказал мне?

— Ты запретила бы проверку.

— Правильно.

Чанфэн опустил голову. Ли повернулась к Глебу.

— Я не стану просить тебя доверять ему. И не скажу, что он не причастен к заражению. Этого я не знаю.

— А я знаю только то, что он начал опыт без моего согласия.

— Этого достаточно, чтобы считать его виновным в опыте.

Глеб забрал квитанцию и копию строки. Чанфэн не просил вернуть бумаги. Стража отвела его в соседнюю караульную комнату.

Гуань Шоу дождался, когда дверь закроется.

— Я должен передать носителя в рудничную лечебницу. Там остановят воспаление и снимут действие случайных приказов.

— А потом? — спросил Глеб.

— Лаборатория проверит вашу кровь и решит вопрос со статусом.

— Она уже решила его до заражения.

— Об этой записи я не знал. Но если вы останетесь здесь, печать продолжит закреплять ваши решения. В лечебнице есть средства контроля.

Гуань говорил без угрозы. За дверью писец передавал стражникам список больных из рудничных барачков. Хранитель действительно хотел не допустить нового приступа.

— Добровольно ляжете в лечебницу? — спросил он.

— Нет.

— Тогда после выхода из дома учёта станете беглым коронным носителем. Ли Шэньюэ подписала временный статус. За ваш побег ответит и она.

На столе лежал бланк добровольного поступления в лечебницу. Подпись сохранила бы Цзыцзину право на проверку, а Ли не пришлось бы отвечать за побег. Глебу предлагали чистое бельё и лечение, но вместе с ними лаборатория получала его кровь и право решать, когда он выйдет.

Глеб посмотрел на Ли. Она не предложила ему остаться.

— Решай не за меня, — сказала она. — Я знала цену подписи.

— Я тоже знаю. Поэтому в лечебницу не пойду.

Гуань устало потёр переносицу и отдал приказ начальнику стражи:

— Носителя поместить в угольный склад. Через дверь не выпускать до прибытия лабораторного караула. Лекаря оставить с ним, если она требует.

Красные линии на руке Глеба вспыхнули при слове «дверь». Он услышал приказ так ясно, что на миг перестал различать остальные голоса.

Стражники отвели их по коридору. Глеб шёл без сопротивления. Один раз он коснулся дверной ручки, и пальцы сразу онемели. Приказ вошёл в печать.

Чанфэна вывели из соседней караульной и повели следом. Лабораторный караул должен был забрать и его как владельца образца. В угольном складе алхимика пристегнули к старому кольцу в наружной стене. Ли оставили внутри после того, как она письменно приняла ответственность за рану Глеба.

Угольный склад занимал нижний этаж старой пристройки. Вдоль наружной стены лежала чёрная крошка. В углу стояла железная лопата, а рядом темнел заложенный кирпичом проём для разгрузки угля.

Снаружи проём выходил прямо на рудничную площадь. Глеб заметил это по голосам за кладкой. В стене оставалось старое кольцо для подъёмного жёлоба, а вокруг него раствор уже осыпался. Чтобы открыть проход, нужно было вынуть больше десятка кирпичей и успеть до прихода лабораторной стражи.

Стражник запер дверь снаружи. Второй остался у порога и велел ждать лабораторный караул.

Ли подошла к заложенному проёму. Раствор между кирпичами крошился от сырости.

— Приказ запрещает дверь, — сказала она.

— Я тоже услышал.

— Стена не названа.

Глеб взял лопату левой рукой. Правые пальцы после обморожения слушались плохо, плечо снова горело под красной коркой. Он вогнал край лопаты в шов. Первый кирпич не сдвинулся.

— Если караул придёт раньше, я скажу, что ты действовал без меня, — сказала Ли.

— Не поверят.

— Я постараюсь сказать убедительно.

— Вот тогда точно не поверят.

Ли фыркнула и достала нож. Повреждённой рукой она не могла давить, поэтому вычищала раствор левой. Глеб расшатал верхний кирпич и вытянул его на себя. За ним посыпалась ледяная крошка.

У дальней стены звякнула цепь.

— Если вы разбираете стену, начните справа, — крикнул Чанфэн. — Там старый дымоход. Кладка слабее.

— Мы не спрашивали, — ответил Глеб.

— Стена об этом не знает.

Глеб проверил правый край. Лопата вошла в раствор глубже. Совет оказался верным, что раздражало сильнее самого голоса Чанфэна.

Они сняли ещё четыре кирпича. Отверстия пока хватало лишь для головы. За дверью стражник услышал скрежет и постучал рукоятью.

— Что вы там делаете?

— Выполняем приказ, — ответил Глеб. — Через дверь не выходим.

Стражник выругался и побежал за начальником. Глеб работал быстрее. Печать не мешала, но правая рука перестала держать лопату. Он передал её Ли, а сам вытаскивал кирпичи левой.

Когда замок в двери заскрежетал, проём доходил Глебу до плеч. Ли пролезла первой. Он подал ей копию реестра, затем лёг на уголь и протиснулся следом. Кирпич зацепил повязку, рана открылась, но боли Глеб не почувствовал.

Он вывалился на снег рудничной площади. Ли схватила его за ворот и оттащила от стены. Внутри распахнулась дверь. Стражники увидели пустой склад и разобранную кладку.

Чанфэн выбрался через проём последним. На конце его цепи болталось вырванное из кладки кольцо. Он встретил взгляд Глеба и сразу протянул Ли свободный конец цепи.

— Потом решите, на ком её замкнуть, — сказал он.

На площади уже собирались шахтёры. Семьи узнали, что семь тел увезли из дома учёта к лабораторному двору. Люди требовали вернуть погибших до переработки. Стража держала ворота, но не решалась разгонять толпу.

Семь красных шнуров лежали на снегу перед строем стражи. Сборщики сняли их с тел сразу после приёмки. Родственники держали список Пахома и по нему называли погибших. Шахтёры не требовали отпустить Клима и не защищали ловцов. Они хотели, чтобы дом учёта вернул тех, чьи имена уже принял у ворот.

Глеб начал складывать вынутые кирпичи у стены, чтобы они не мешали людям. Пальцы оставляли на красной глине кровь. Шахтёры окружили его раньше, чем он успел поднять третий.

— Ты привёз тела, — сказал широкоплечий рудокоп. — Теперь их забрали.

— Забрали по городскому закону.

— Нам от закона дают мешок чужой золы.

Женщина с храмовой площади протянула Глебу свой мешочек.

— Там моего мужа нет. Верни хотя бы тех, у кого ещё остались имена.

За спинами шахтёров появилась городская стража. До лабораторного двора было меньше двух улиц, но ворота закрывали вооружённые люди. Глебу нужна была поддержка площади, чтобы пройти дальше.

— Сначала откроем путь к телам, — сказал он. — Потом доберёмся до производства и остановим обоз.

Красные линии прорезали ладонь. Кровь выступила между пальцами и капнула на кирпич. Печать приняла обещание раньше, чем шахтёры ответили.

Глеб попробовал повернуться к улице, ведущей к обозному двору. Ступня не сдвинулась. Когда он снова посмотрел на лабораторные ворота, колено отпустило. Обещание уже выстроило порядок действий: сначала тела, затем производство.

Рудокоп поднял кулак. Люди вокруг повторили движение, но не бросились на стражу. Они освободили проход для саней и стали разбирать ограду на длинные жерди.

Глеб положил последний кирпич к стене, и обещание потянуло его к лабораторному двору. Повернуть к городским воротам он не смог бы, даже если бы путь оказался свободен.

Ли отвела его за пустые сани и перевязала ладонь. Она затянула узел зубами, затем показала на улицу, ведущую к обозному двору.

— Нам надо сначала задержать обоз, — сказала она. — Если раствор вывезут, тела уже ничего не изменят. Сможешь поменять порядок?

Глеб хотел согласиться. Он понимал её и видел, что дорога к обозу пока свободна. Но язык прижался к небу, а красные линии сжали кисть.

— Сначала откроем путь к телам, — произнёс он теми же словами, что на площади.

Ли медленно убрала руку и замерла. Его голос повторил обещание тем же ритмом, что и печать.

Глава 12. Лекарство и право отказа

Красные линии на ладони Глеба разжались, когда седьмое тело внесли в старую промывочную мастерскую. До этого печать тянула его обратно к лабораторному двору. Теперь пальцы перестали кровить, а колено снова согнулось. Обещание шахтёрам было выполнено.

Ли заметила перемену сразу. Глеб отвернулся от саней и прошёл за ней к лестнице в подвал. Это ещё не возвращало ему свободу, но позволяло заняться следующим решением.

Шахтёры открыли боковые ворота лабораторного двора и забрали тела до прихода нового караула. Драки удалось избежать: городская стража не стала рубить семьи, которые пришли за своими умершими. После этого всех провели под землёй к лечебнице Сунь Мэй.

Погибших уложили в холодном каменном канале и вернули им красные шнуры с именами. Родные остались наверху, чтобы увести тела из города до рассвета. Глеб, Ли и остальные теперь считались беглецами. Стража перекрывала обычные выходы из квартала, поэтому старая мастерская стала единственным местом, где можно было перевязать раны и решить, как попасть в нижние шахты.

Старая мастерская стояла над закрытым руслом для промывки руды. Внизу сохранились каменные жёлоба. Теперь в них грели воду и стирали окровавленные повязки. Дверь с улицы была заколочена, пациенты входили через шахтный ход.

Сунь Мэй встретила их у лестницы. Невысокая женщина держала лампу в левой руке, а правой сразу проверила цепь на запястье Чанфэна.

— Замок цел?

— Стена оказалась слабее, — ответила Ли.

— В Хэйши стены давно разумнее чиновников. Они хотя бы знают, когда нужно расстаться.

Сунь вернула свободный конец цепи Жэнь Бо и велела пристегнуть Чанфэна к трубе. Потом осмотрела Глеба, задержав пальцы над красными линиями.

— Стабилизатор принимал?

— Половину дозы.

— Поэтому ещё ходишь. И поэтому печать уже добралась до решений.

Агафья поставила лекарский короб на стол.

— Нам нужна ранняя отмена. На короткое время.

— Короткое время тоже может закончиться смертью.

— Поэтому я здесь, — сказал Глеб.

Сунь посмотрела на него, затем на Ли.

— Согласие носителя сейчас ничего не доказывает. Ему могли приказать согласиться.

— Знаю, — ответила Ли. — У нас есть старый договор.

Сунь не стала расспрашивать. Сначала она повела их к пациентам.

В дальней комнате жили трое бывших солдат. Первый сидел у окна и чинил сапог. На его шее не было бирки, однако рана на бедре оставалась открытой. Края кожи не сходились, и он каждые несколько минут промокал кровь сложенной тканью.

Второй солдат резал хлеб. Когда в трубе отопления дважды стукнул металл, его рука остановилась. Нож повернулся к двери. Мужчина выругался, прижал запястье к столу и дождался, пока случайный ритм исчезнет.

— Бирки сняты, — сказала Агафья. — Почему он слышал приказ?

— Печать осталась в крови, — ответила Сунь. — Без законного статуса ритм держит тело несколько мгновений. Думать он может сам. Рука всё равно поворачивается.

Третий пациент лежал ближе к печи. На его груди краснела старая пулевая рана. После каждого вдоха повязка темнела.

Сунь отмерила три ложки красного раствора. Солдаты выпили, не переглядываясь. Рана на бедре перестала кровить, рука с ножом расслабилась. Третий мужчина смог вдохнуть глубже.

Возле каждой койки лежала тетрадь. Больные отмечали время дозы и действия против своей воли. Сунь сверяла записи со стуком в городских трубах и знала, когда приказы доходили до лечебницы.

— Без раствора они свободнее, — сказала Сунь. — Но эта рана за два дня его убьёт. Остальные не протянут дольше.

— А с раствором они снова слышат команды, — сказал Глеб.

— Поэтому я не отдам карту людям, которые уйдут в лабораторию и забудут про этих троих.

Ли подошла к раненому у окна. Он не просил обещаний и продолжал пришивать подошву. Иглу держал уверенно, пока в трубе снова не раздался удар. Тогда палец сам проколол кожу возле ногтя.

Свободная мысль не управляла телом до конца. Смертность возвращалась вместе с выбором, а красный раствор сохранял жизнь ценой подчинения.

— Что будет для вас гарантией? — спросила Ли.

— Впишите их имена в план опыта. Если доберётесь до ядра, сначала ищите условие отмены для живых. Не формулу нового полка.

— Я подпишу.

— Твоя подпись уже сделала Глеба коронным носителем.

— Поэтому второй раз я сначала прочту цену.

Сунь впервые улыбнулась. Она достала лист и написала три имени. Ли добавила условие: любой способ отмены проверялся только с правом пациента прекратить процедуру. Глеба она не просила подписывать. Его обещания уже слишком легко становились приказами.

Солдаты прочли условие сами. Мужчина у окна оставил под ним отпечаток большого пальца, испачканного сапожной смолой. Остальные сделали то же самое. Теперь карта зависела не от общего обещания спасти всех, а от трёх записанных пациентов, которым требовалось конкретное лечение.

После этого Сунь разрешила начать подготовку, но карту оставила при себе.

В промывочный жёлоб налили холодную воду. Агафья положила рядом чистые повязки и велела Глебу снять рубаху. Под красной коркой плечо снова распухло. По краю раны шла тёмная полоса воспаления.

Ли поставила перед Глебом чашу. Над водой закрепили две медные дуги. Между ними она натянула нить с каплей очищенного раствора. Капля дрожала и тянулась к красным линиям на его ладони.

— Повтори условия, — сказала Сунь.

Глеб перечислять не стал. Он назвал главное: опыт длится, пока он способен отказаться. Если речь перестанет ему подчиняться, он проведёт большим пальцем поперёк раскрытой левой ладони. Этот жест они с Ли выбрали ещё до нынешнего заражения.

Жест они выбрали ещё тогда, когда Глеб не мог говорить из-за повреждения горла. Перед нынешним опытом он повторил движение трижды. Левая кисть слушалась, а печать на правой ладони не отзывалась.

— Жест не остановит печать, — предупредила Ли. — Он остановит меня.

— Этого и хочу.

— Если начнётся кровотечение, я верну раствор, даже если ты не сможешь подтвердить.

— Это лечение, а не продолжение опыта.

— Да.

Сунь перевела взгляд на Агафью. Та кивнула: условия были понятны всем.

Глеб опустил правую ладонь над холодной водой. Ли коснулась нити костяной иглой. Капля очищенного раствора сорвалась и упала точно под красные линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.